

**журнал толкиновского
общества Санкт-Петербурга**

Палантир

№ 70

февраль 2015

В НОМЕРЕ :

От редакции	3
Аллор, Хольгер, Эльвинг. Об эльфах, творчестве и искушениях.	4
Кеменкири. Зачем Диору Сильмарил? А также об Эльвинг и Гаванях.	11
Хельги Липецкий (при участии Екатерины Образцовой (Acantharia)). О клятве Феанора и его сыновей.	20
Алиса Фаер. Особенности перевода фразеологизмов и пословиц «Властелина Колец» на русский и чешский языки.	44
Терн. Пирог, пирожки и пирожные.	60

Обложка и оформление - **Моргул**

На страницах 3 и 33 - работы **Екатерины Шемяк** «Гэндальф» и «Маэдрос»

Palantir®

ПАЛАНТИР

№70 февраль 2015

*Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга*

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул, Екатерина Шемяк

e-mail: barding@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright © 1997-2015 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

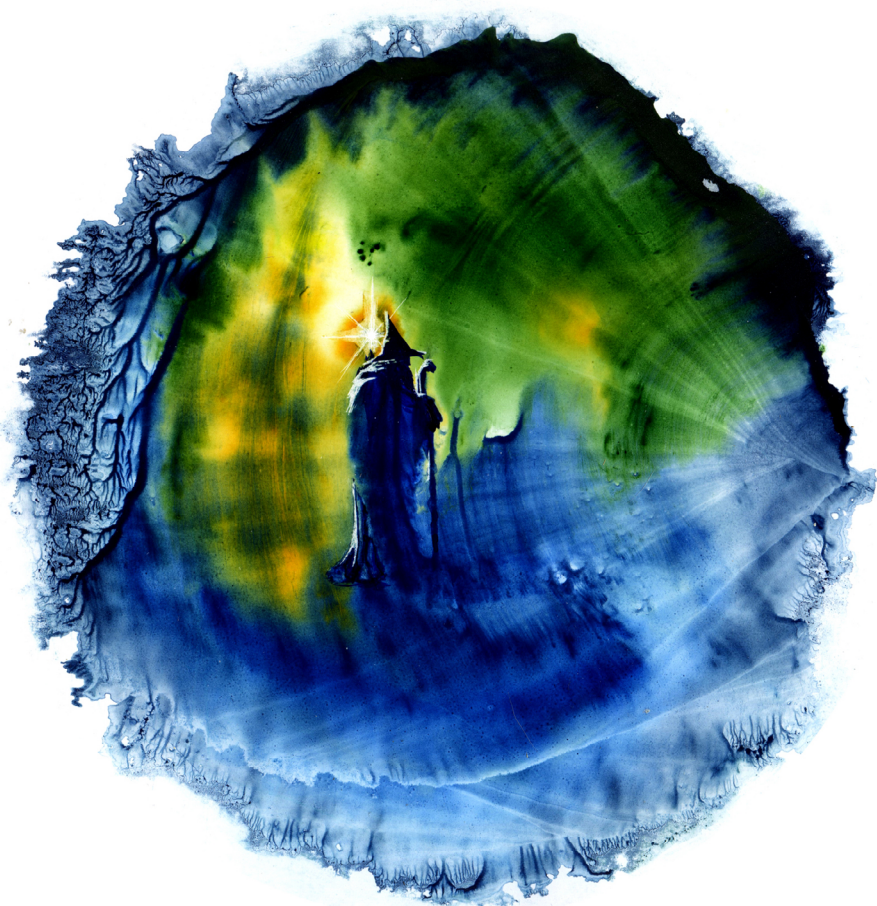
Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

От редакции:

Уважаемые друзья!

В прошедшем, 2014 году Толкиновское Общество Санкт-Петербурга отметило своё двадцатилетие. Ещё один юбилей справляет и наше издание - этот выпуск семидесятый. Что ни говори, а цифры серьезные. Мы хотим поблагодарить наших уважаемых авторов, чьи труды являются основой нашего журнала. Приветствуем с благодарностью мы и новых авторов, которым всегда рады. И главное «спасибо!» вам - нашим дорогим читателям. Именно ваш горячий интерес все эти годы поддерживал нас и придавал сил. Надеемся, этот интерес никогда не угаснет.

Elen sila lumenn' omentielvo!

Тема эльфов и идентификации себя с эльфами является, вероятно, самой острой в фэндоме. Споры о ней вспыхивают снова и снова, и отношение к эльфам в основном сводится к двум полярным точкам зрения, которые можно условно назвать «романтической» и «реалистической». Если сторонники первой точки зрения воспринимают эльфов как некий идеальный образ «улучшенных» людей, лишенных почти всех недостатков, характерных для людей, и обладающих рядом достоинств по сравнению с людьми, то тяготеющие ко второй точке зрения полагают, что эльфы ничуть не лучше людей, особо заостряя внимание на недостатках эльфов. Полемика между данными точками зрения иногда имеет чрезвычайно бурный характер. Поэтому, в том числе в целях нахождения гармонии между этими взглядами, имеет смысл представить анализ комментариев Толкиена, касающихся наиболее спорных моментов, связанных с эльфами, а именно роли творчества в жизни эльфов и проблема «эльфы и грехопадение».

А. Главный вопрос, который мы рассмотрим – это роль творчества в жизни эльфов. Что говорится у Толкиена о творчестве эльфов? Говорится, что они дали миру *«искусство и науку»* [1], а также то, что они *«представляли, так сказать, художественные, эстетические и чисто научные аспекты человеческой природы, возведенные в степень, которой мы не наблюдаем в людях. То есть: они самозабвенно любят физический мир и желают наблюдать его и понимать ради него же самого и как нечто иное»* [2]. В «Законах и обычаях эльдар» [3] также говорится, что среди занятий эльфов могут быть *«работа, или игра, или более глубокие знания о бытии и жизни Мира»*, а также то, что *«многие из них находят удовольствие в лесничестве и знаниях о природе, снискав дружбу всего, что растет и живет на свободе»* (а по сути, «знания о природе» и есть наука, поэтому наука воспринимается как вполне подходящее для эльфов занятие – и не случайно Феанор естественно ассоциируется с образами экспериментаторов-первооткрывателей). Эльфы также считали, что *«в ходе лет каждый может испробовать свои силы и насладиться всеми разнообразными талантами, присущими их роду, и в знании, и в мастерстве, хотя по-разному и в разной степени»* [3]. Более того, *«их (эльфов – авт.) магия – это Искусство, освобожденное от многих человеческих ограничений: более легкое и непринужденное, более живое, более полное (произведение и замысел полностью*

соответствуют друг другу). А целью ее является Искусство, а не Власть, вторичное творчество, а не подчинение и не деспотичная переделка Творения» [4]; эльфы «олицетворяют собой людей, наделенных многократно увеличенным эстетическим и творческим потенциалом, большей красотой, более долгой жизнью и благородством» [5]. Все эти утверждения, а также и многие другие комментарии Толкиена, дают достаточную основу для того, чтобы считать, что наиболее естественный образ для проявления эльфийского архетипа (как в Арде, так и в нашем мире) – творческая, познающая личность, причем творящая и познающая ради красоты, а не ради выгоды или выживания. А это само по себе является достаточным мотивом для романтического взгляда на эльфов (ведь именно Творчество, соединенное с Любовью и Правдой – наиболее романтическая сфера). Тот же вывод подтвержден многочисленными совершенно необычными эльфийскими изобретениями, аналогов которых не было в культуре других народов – Палантиры и Сильмариллы, мифрил и галворн, чудесные эльфийские корабли и фиал Галадриэль... И нет оснований считать, что других изобретений у эльфов, особенно живших в Валиноре, не было. А об искусстве эльфов, например об их балладах или скульптуре (о чем говорит одно из имен Финрода – Фелагунд, Пещерный Ваятель), и говорить нечего, ведь упоминаниями об этом буквально пронизаны все книги Толкиена. Поэтому вывод о стремлении к творчеству как доминирующей черте эльфийского характера следует признать совершенно правомерным, в то время как для других народов такое отношение к творчеству было характерным явно в меньшей степени, коль скоро об их творчестве известно существенно меньше (по крайней мере, у других народов творят сравнительно немногие). Впрочем, на самом деле архетип творца, посвятившего всю свою жизнь искусству (или науке), встречался в культуре задолго до Толкиена и встречается независимо от него...

Б. Еще одна острая проблема – устройство эльфийского общества. В этом смысле следует вспомнить с одной стороны, например, то, что «в Амане никто не испытывал болезней или беспорядка в себе; не было там разрушений и старения, более быстрого, чем медленное старение самой Арды» [6], а с другой стороны – идею св. Иринея Лионского о том, что для **людей** смертность является благом, так как если бы при падшей природе **люди** были бессмертны, за неограниченную жизнь они бы совершили фантастическое количество прегрешений, и их участь была бы печальна. Из этого естественно следует вывод о том, что эльфы, в отличие от людей, не были наперед созданы склонными к греху, и их дурные поступки имели одиночный, исключительный характер, причем каждый раз обусловленный экстремальными обстоятельствами. А из отсутствия массовой преступности, в свою очередь, следует вывод о том, что эльфийское общество не нуждалось в такой развитой машине подавления дурных поступков, как человеческое. С другой стороны, и управление эльфийскими государствами построено вовсе не на сословном принципе, характерном для феодализма, так как допущение существования сословий у эльфов ни на чем не основано, а также выглядит попросту противоречащим всем приведенным выше цитатам: если бы у эльфов были высшие и низшие сословия, вероятно, едва ли каждый из эльфов мог «испробовать свои силы и насладиться всеми разнообразными талантами, присущими их роду, и в знании, и в

мастерстве» [3]. Управление у эльфов построено на принципе так называемой меритократии – власти достойных (что подтверждается и тем, что эльфийские короли, как известно, были исключительно талантливыми и достойными личностями), но и при этом эльфийские короли были скорее «первыми среди равных». И не случайно у Толкиена говорится, что *«эльфы не желали подчинять себе чужую волю, не говоря уж о том, чтобы узурпировать весь мир собственного удовольствия ради»* [2]. В результате как мифы об «эльфийском тоталитаризме», так и идеи о существовании у эльфов «машины принуждения» оказываются полностью ошибочными (да и вообще эльфам «машинный», бездушный, не основанный на красоте и гармонии с миром подход к жизни глубоко чужд, поэтому и в основе их общества было доверие к авторитету, а не страх перед наказанием).

В. Однако, в связи с тем, что эльфы были по своей сути творческими личностями, у них был и специфический тип искушений, характерных именно для творческих, талантливых личностей. Как известно, у разных характеров – разные искушения, и тот факт, что эльфы не были подвержены «обычным» искушениям, характерным для малокультурных личностей и обуславливающим совершение ими бытовых преступлений (составляющих подавляющее большинство среди преступлений в любом обществе), не говорит о том, что эльфы были стопроцентно устойчивы к любому искушению. Более того, из аскетической практики хорошо известно, что чем выше уровень любой личности, тем сложнее и выпадающие на ее долю искушения, причем чем выше активность, тем больше искушений. Так и выпадавшие эльфам искушения были сверхсильными, и иногда они не могли устоять, не случайно Толкиен в [7] говорит: *«Но эльфы не всецело благи и не всегда правы»*. Да и вообще искушения, связанные с творчеством и талантом, иногда могут быть даже опаснее «обычных», так как, с одной стороны, их последствия сказываются в большей степени в силу высокой активности творческих личностей, с другой, они всегда основаны на гораздо более сложных и тонких, нередко экзистенциальных переживаниях, часто связанных с проблемами осуществления своего предназначения в мире, т.е. по сути это – душевные и духовные искушения. В сравнении с этим «обычные» искушения имеют в основном «телесный» характер (физиологические переживания, жажда обладания имуществом...), чаще оказывают воздействие на личности с более низким уровнем культуры и обычно не приводят к крупномасштабным событиям. Возможно и то, что природная нечувствительность эльфов к «обычным» искушениям приводила к тому, что им не хватало «тренировки» на устойчивость к сильным, а точнее сказать – сверхсильным «творческим» искушениям, так как им, вероятно, не хватало навыка к волевому «сопротивлению» искушениям вообще. И на естественный вопрос, могли ли эльфы устоять перед такими искушениями, можно вспомнить слова ап. Павла: *«Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемым сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести»* (1 Кор. 10, 13). По сути, все трагические ошибки эльфов были

связаны именно с духовными и, в меньшей степени, душевными искушениями (что, кстати, говорит об исключительной силе этих искушений). Примерами духовных искушений являются события вокруг Сильмариллов и, в меньшей степени, Трех Колец, а душевных – истории с Аредель и Лучиэнь.

Так, история Сильмариллов есть типичное искушение творца – искушение чувством своей правоты, когда своя правота кажется безграничной, абсолютной, и любое несогласие с ней кажется актом враждебности, а в отстаивании своей правоты кажется возможным идти на любые решения. Ведь Сильмариллы были не просто драгоценностями, а носителями Света Деревьев, храня в себе, таким образом, Божественную благодать и становясь в результате этого совершенно естественной сверхценностью (в психологическом смысле), и немудрено, что выпало это искушение именно тем, кто имел к Сильмариллам самое непосредственное отношение – Первому Дому. Устоять перед этим, естественно, очень трудно, и Первый Дом не устоял, но, тем не менее, стоит предположить, что возможность устоять все же была (вспоминаая упомянутые слова ап. Павла).

История Лучиэнь, по сути, есть соединение очевидного душевного искушения страстной любовью (которая наблюдалась и у Эола по отношению к Аредель) с тем же духовным искушением чувством собственной правоты, потому что феаноринги были уверены, что предотвращают совершенно безумное, на их взгляд, желание Лучиэнь связать судьбу с человеком. Заметим, что вывод о безумстве этого желания вполне осмыслен, ведь эльфийская психология слишком отлична от человеческой, эльфийская память не ослабевает со временем, и, для эльфийки, связавшей жизнь со смертным человеком, было лишь два сценария – оставаться безутешной от смерти своего возлюбленного до Конца Мира либо отказаться от бессмертия и уйти из Кругов Мира. Естественно, и тот и другой вариант крайне трагичен. Но... в данном случае именно решение, казавшееся ошибочным, оказалось самым лучшим (отметим, что по сути это был акт проявления свободы воли Лучиэнь, ее выбор, а для эльфов естественно ценить свободу как величайший дар, см. [2]).

Таким образом, правомерно говорить, что у Первого Дома было единое духовное искушение – искушение чувством своей правоты. Кроме этого, у эльфов иногда встречалось близкое к этому духовное искушение – искушение чувством своего превосходства, пусть даже это чувство превосходства кажется обоснованным (оно проявлялось в иногда встречавшемся отношении к людям и гномам как к более слабым во всех отношениях, наиболее неприятные примеры – насмешки Саэроса над Турином или Тингола над Береном и гномами).

Более тонкая история – это история создания Трех Колец. Как известно, мотивом их создания было стремление эльфов *«жить в Средиземье, которое они истинно любили, и в то же время разделять счастливое блаженство уплывших за Море»* [8], а Саурон фактически подстрекал их *«попытаться создать отдельный, независимый рай»* [4]. По сути это есть стремление к творчеству, не терпящему никаких ограничений, в том числе и Свыше, и стремление безграничного проведения в жизнь своих проектов, т.е. превращение творчества в отрыве от Божественного -- в сверхценность, что может быть источником большого риска, потому что *«это побуждение легко исказить и превратить во зло, в жажду господства»* [4].

Правда, к непосредственной беде создание Трех Колец не привело, но они утратили силу с уничтожением Единого Кольца – что напоминает о том, что сверхценностью творчество, рассматриваемое в отрыве от Божественного, быть не может – так и вспоминается: «Без Меня не можете ничего» (Ин. 15, 5).

Еще одно очень опасное искушение – это искушение «достигнутой вершины», пережитое Феанором. Когда Феанор говорит, что он никогда не сотворит ничего подобного Сильмариллам, фактически он говорит, что он достиг высшей точки. А это, по сути дела – остановка развития, после которой пропадает желание творить вообще, это форма гордыни. И не случайно в последующем Феанор больше ничего не сотворил – именно в силу того, что он остановился в развитии, причем по своей воле. В этом проявляется еще один аспект гордыни – страх, что новое творение будет в чем-то хуже или повторением пройденного, и гордость не позволяет «ронять марку», утверждая «лучше вообще не творить, чем в чем-то ошибиться или сделать что-то не на уровне».

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы относительно толкиеновских эльфов.

А. Восприятие эльфов как архетипа творческих личностей, основывающихся в своем взгляде на мир на красоте – совершенно правомерно, именно такой смысл и был заложен в них автором. Более того, рискнем предположить, что именно это и делает их столь привлекательными в глазах читателей. А также, естественно, очень привлекательны и их отрыв от «мира сего», связанный с доминированием в них творческого начала и «ахроничностью» их взгляда на мир, и устойчивость к телесным искушениям. Поэтому идея о привлекательности эльфов с точки зрения их отношения к творчеству (а значительную часть фэндом интересуется именно это!) может считаться доказанной.

Б. Искушения эльфов относятся к категории душевных и даже, в большей степени, духовных искушений, телесные же искушения у них практически не встречаются. С одной стороны, это подтверждает вывод об отсутствии в эльфийском обществе многих проблем, характерных для человеческого общества (такие, как экономические проблемы, массовая преступность и вообще повсеместное бытовое зло) и о том, что сопротивляемость искушениям у эльфов очень высока. Но с другой стороны, это приводит к тому, что в некоторых вопросах, а именно, в особо сложных вопросах, касающихся духовной сферы (а именно – проблема этики творчества), и эльфы оказываются подвержены риску искушения. В принципе, это понятно (это естественный риск таланта и высокого уровня), однако, это лишний раз напоминает, что высокий уровень и талант отнюдь не делают жизнь беспроблемной.

И в завершение рассмотрим психологические корни иногда встречающейся неприязни к «романтическому» восприятию эльфов. «Романтическая» точка зрения появилась вместе с фэндомом, при этом мир Толкиена воспринимался как некий нравственный эталон, потому что в основе мира Толкиена неявно лежат три идеала, которые мы подсознательно ищем в мире – Любовь, Творчество и Правда (не они ли символически изображены тремя эльфийскими

кольцами?), а эльфы при этом воспринимаются как существа, очень близкие к воплощению этих трех идеалов. Подобный взгляд представлен в ранней фэндомской литературе, например в «Киносъемках» Таллэ. Собственно, сформулированный Толкиеном эльфийский архетип, как мы показали, дает к этому значительные основания. Однако впоследствии появилась «реалистическая» точка зрения, – и вследствие дурного поведения части «эльфийского» течения в фэндоме (а именно той части, которая, не будучи в силах воспроизвести достоинства эльфов, безупречно воспроизвела такие черты Искращения эльфийской природы, как непомерное самомнение, безграничная уверенность в своей правоте и т.д.), и вследствие распространившегося у нас, причем отнюдь не только в фэндоме, разочарования в любых идеалах. Квинтэссенцией этой точки зрения стала появившаяся в 1998 г. статья П. Скулачева «Правда о Золотом лесе». В результате представителями этой точки зрения был сделан вывод, что эльфийское общество не должно принципиально отличаться от человеческого, а эльфам свойственны все те же пороки, что и людям. Относительно «текстологических» оснований для этих точек зрения мы уже сделали свой вывод. Однако интересно рассмотреть и их психологические основания.

Естественно, что вопрос о выборе между «романтической» и «реалистической» точками зрения есть фактически вопрос, который каждый читатель Толкиена решает по-своему в согласии со своим философским кредо. При этом «романтики», прежде всего, основываются на сформулированном Толкиеном **эльфийском архетипе** с его программными чертами: стремление к творчеству, чувство гармонии и красоты, ахроничность мировосприятия, приоритет «художественного» мировосприятия перед «технологическим» и т.д., и восторженное восприятие этого архетипа естественно – ведь с Ардой мы устанавливаем именно **эмоциональное сопричастие**, а не логическое соответствие. «Реалисты» же основываются на фактах **отклонения** от этого архетипа.

Нелишне напомнить и о таком моменте, который приводит к неадекватности восприятия Арды: в мире Толкиена есть два уровня воздействия Зла – «явный», через непосредственную активность Моргота и его слуг, и «неявный», через Искращение в самой природе мира. Так же есть и два уровня восприятия эльфов: «идеальный» уровень есть уровень Неискаженной природы эльфов, или Божественного замысла об эльфах, а «реальный» – уровень эльфа как творческой личности со своими рисками. Однако иные любители Толкиена отличаются характерным мировосприятием, при котором Злом ошибочно считается только его «явный» уровень воздействия – прямая служба Морготу, а эльфы воспринимаются исключительно на «идеальном» уровне. Это и приводит к упрощенной черно-белой этике, а как следствие – к агрессивной нетерпимости, вызывающей ответное неприятие.

Впрочем, активная критика эльфов, похоже, тоже основана на очень своеобразном мировосприятии – это агрессивный скептицизм, который, вероятно, характерен для определенного склада характера (это поведение реализуется в разных формах, от «Буду все

ругать, чтобы меня считали самым умным» до «Будь как все и не высывайся»). Таким образом, склонность к «романтической» и «реалистической» позициям, по сути, есть следствие личного кредо.

А в общем «романтическая» и «реалистическая», или, как их иначе называют, «дивная» и «антидивная» позиции проще всего толкуются именно с богословской точки зрения: «дивная» позиция есть вера в возможность неискаженного, непадшего образа жизни, а «антидивная» позиция есть «вера» во всеобщность и абсолютность Падения и Искращения (так называемая «правда жизни», которая, как известно, не нравилась и Толкиену). И нам кажется, что ближе к толкиеновскому пониманию как раз «дивная» позиция, которая при этом, во-первых, должна быть аккуратно сформулирована, а во-вторых, из нее должны быть сделаны верные выводы – а именно о том, что стоит, по крайней мере, стремиться не повторять ошибок, совершавшихся в том числе и эльфами.

И, кроме того, в «романтическом» восприятии эльфов следует соблюдать пропорцию, потому что чрезмерная восторженность, как правило, отдает перманентным неофитством и часто страдает дурновкусием.

Библиография

- [1] Толкиен Дж. Р. Р. Кольцо Моргота, Преображенные Мифы, ч. 7. – [Электронный ресурс]: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/mt.shtml
- [2] Толкиен Дж. Р. Р. Письмо 181 // Дж. Р. Р. Толкиен. Письма. – М.: ЭКСМО, 2004.
- [3] Толкиен Дж. Р. Р. Законы и обычаи эльдар. – [Электронный ресурс]: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/laws.shtml
- [4] Толкиен Дж. Р. Р. Письмо 131 // Толкиен Дж. Р. Р. Письма. – М.: ЭКСМО, 2004.
- [5] Толкиен Дж. Р. Р. Письмо 144 // Толкиен Дж. Р. Р. Письма. – М.: ЭКСМО, 2004.
- [6] Толкиен Дж. Р. Р. Кольцо Моргота, Преображенные Мифы, ч. 11. – [Электронный ресурс]: http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/mt.shtml
- [7] Толкиен Дж. Р. Р. Письмо 154 // Толкиен Дж. Р. Р. Письма. – М.: ЭКСМО, 2004.
- [8] Толкиен Дж. Р. Р. О Кольцах Власти и Третьей эпохе // Толкиен Дж. Р. Р. Сильмариллион. – М.: АСТ, 2001.

Кеменкири

Зачем Диору Сильмарил? А также об Эльвинг и Гаванях

(доклад, прочитанный на Весконе 25 февраля 2012 г.)

Этот доклад завершает собой серию из трех докладов, начатую на Блинкоме-2011 и продолженную на Большом Толкиновском Семинаре в Санкт-Петербурге в январе 2012 года. Объединяет их вопрос о том, как представлен сюжет падения Дориата в собственно толкиновских текстах и в печатном «Сильмариллионе». При этом речь идет прежде всего об одном из аспектов сюжета – о мотивах и прочих факторах, подвигающих действующих лиц совершать тот или иной поступок.

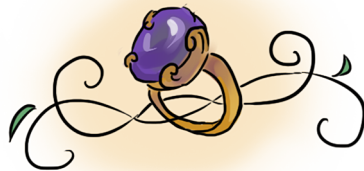
Кратко суммирую выводы предыдущих докладов:

1) Если обратиться к печатному «Сильмариллиону», то участие редактора, во многом определившее облик данной главы, немало повлияло и на упоминаемые мотивы героев. Указание о привязанности Тингола к Сильмарилу, в собственно толкиновских текстах встречающееся однократно и в более раннем сюжете (о Союзе Маэдроса), было распространено на действия того же Тингола в сюжете первого разорения Дориата, а также на гномов. При этом достаточно «судьбоносные» действия других персонажей (Диора, Мелиан), удостоившись довольно обширных описаний (также редакторского происхождения), остались вовсе без объяснений.

Наконец, мотив «проклятия на золоте» (в том числе как силы, определяющей поступки героев) был редактором практически совершенно исключен (на что указывает и сам Кристофер Толкиен).

2) Если же обратиться собственно к текстам, то сюжет собственно первого разорения Дориата (история Тингола и гномов) показывает следующие закономерности. Упомянутый мотив «Проклятия», «чар проклятого золота» появляется еще в самых ранних набросках данного сюжета (когда еще не определено точно, кто именно его прокликает) – и проявляет замечательную устойчивость в последующих текстах (времен до «Властелина Колец»); этот мотив доминирует, хотя можно найти на периферии сюжета и другие (например, месть гномов за сородичей). В дальнейшем в сюжете вокруг Союза Маэдроса постепенно кристаллизуется мотив привязанности Тингола к Сильмарилу.

В текстах времен после «Властелина Колец» Толкиен так и не оставил подробного изложения этого сюжета, мало того, он даже в набросках неоднократно «останавливается на пороге Нарготронда» (куда направляется Хурин) – очевидно, что сюжет, единожды изложенный подробно в «Утраченных сказаниях» требовал серьезного переосмысления, которое так и не было осуществлено. Между тем, краткие упоминания показывают, что общая канва событий сохранялась неизменной (Хурин приносит в Дориат сокровище из Нарготронда; Тингол гибнет из-за ссоры с гномами, которые затем разоряют Дориат). Упоминания эти действительно весьма кратки, они практически не содержат упоминаний о мотивах действующих лиц – в том числе и о проклятии на золоте. Я, тем не менее, предполагаю, что мотив этот, скорее всего, сохранился. Также я предполагаю, что при написании подробного текста к «старым» мотивам могли добавиться, не вытесняя их, какие-либо новые; в качестве примера можно указать на упоминание в одном из набросков «судьбы Сильмариллов», которая ведет Хурина в Нарготронд.

Теперь же я хотела бы продолжить рассмотрение сюжета в собственно толкиновских текстах. Если в прошлом докладе я в основном ограничилась рассмотрением истории Тингола и гномов, немного затронув также Берена и Лютиен, то теперь я хочу от этой же точки двинуться дальше – и рассмотреть историю Диора, добавив часто рассматривающийся в фэндомских дискуссиях вместе с ней сюжет о Гаванях Сириона. Первый из этих сюжетов, как и ссора Тингола с гномами, был лишь однажды изложен достаточно полно – в «Утраченных сказаниях»; далее речь шла о более кратких текстах; второму сюжету повезло еще меньше (так называемый «парадокс Эарендила»).

Впрочем, в том, что касается «подробности» сюжета о Диоре, здесь уже есть любопытный момент. Начну с факта, в действительности постороннего: известно, что «Сказание о Науглафринге», как и многие другие тексты «Утраченных сказаний», было сначала записано карандашом, а через некоторое время переписано поверх карандаша чернилами в более поздней версии. Известно также, что более поздняя версия не была доведена до конца, и финал текста сохранился в первоначальном виде. В действительности этот обрыв находится в произвольном месте, посреди описания коварных замыслов гномов о военном походе. Но если бы я знала только о самом факте обрыва версии и не знала бы о месте, то наверняка провела бы водораздел по границе сюжетов о Тинголе и о Диоре – настолько различно их изложение в единовременно написанном тексте. (А если бы я была историком или исследователем мифологии «кизнутри» мира, то сочла бы этот текст или компиляцией из двух хроник, написанных разными авторами с разным стилем и взглядами – или поздним искусственным соединением двух мифов, между которыми первоначально не было ничего общего).

Наиболее ярко различаются два фактора. Во-первых, объем текста: история Тингола и гномов занимает 28 страниц (включая три, посвященные сражению Берена с войском гномов и связанным с этим событиям), история Диора – неполные три. Не менее сильно отличаются также мотивы героев и действующие силы сюжета.

В самом сюжете о Тинголе, как уже говорилось, «проклятие на золоте» является

основной действующей силой (возникает даже желание сказать – действующим лицом). Причем проявляется оно двояко, что в целом соответствует двум вариантам формулировки: «чары»/»зачарованное золото» и «проклятие». Первое чаще всего подвигает героев к желанию завладеть золотом или удержать его при себе (для владельца). Второе – провоцирует поступки или ставит героев в обстоятельства, приводящие к скорейшей гибели. (И эта двойственность вполне объясняется историей сокровища (1)). Но вот что интересно: после того, как все сокровище, за исключением Наугламира, утоплено в реке, исчезают упоминания о «чарах» и вызываемой ими алчности, а вот упоминания «проклятия» и его гибельности – остаются.

Так, не только Мелиан (здесь – Гвенделин) называет Науглафринг «проклятой вещью», но и о том, что «Берена и Лютиен вскоре постигла судьба смертных» говорится: «и, быть может, в том, что это случилось так быстро, сказалась (? сила) проклятья Мима» («История Средиземья», т. 2, с. 239–240) (в одном из набросков сюжета – еще более определенно: «Ожерелье... навлекло на Тинувиэль хворь...» (там же, с. 259)).

Интересно, что это же «гибельное» действие проклятия проявляется и в истории Эарендила и Эльвинг, известной нам лишь по наброскам и другим отрывочным материалам. Так, согласно «Номскому лексикону», проклятие Мима «не насытилось, пока не упокоилось вместе с Эльвинг, возлюбленной Эарендила, на дне морском» («История Средиземья», т. 2, с. 346). О том, что Эльвинг тонет вместе с Наугламиром (уже после событий, аналогичных Войне Гнева более поздних текстов, во время отплытия эльфов обратно на Запад) упоминают и несколько других набросков (там же, с. 253, 255, 264). В одном из набросков говорится также и об Эарендиле – «Проклятие Науглафринга лежит на его путешествии» (там же, с. 254), хотя само Ожерелье при этом находится не при нем, а у Эльвинг.

Здесь следует отметить, что во времена «Утраченных сказаний» история Эарендила и Эльвинг еще никак не связывалась с сыновьями Феанора (дальнейшая судьба которых после разгрома Дориата – так же, как и судьба Сильмариллов, оставшихся у Мелькора – никак не прописана). Согласно тем же наброскам, поселение в устье Сириона разоряют «орки Мелько» («История Средиземья», т. 2, с. 255). Также еще никак не связаны сыновья Феанора с историей Берена и Тинувиэли, где еще совершенно отсутствует «нарготрондский эпизод».

И это не постороннее замечание. Дело в том, что если мы вернемся к истории Диора в «Утраченных сказаниях», то обнаружим здесь картину прямо противоположную! Точнее, упоминания о «чарах» и алчности не появятся и здесь. Как, впрочем, практически нет и упоминаний о «проклятии» (кроме одного, о котором я скажу чуть позже). И это, на мой взгляд, не просто случайность. Я уже упоминала, что до того Толкиен многократно упоминает о действии того и другого фактора, так что вряд ли он боялся повториться; есть упоминания и после. Следовательно, если в истории Диора эти силы не упоминаются, то в ней, вероятно, действуют *другие* силы и мотивации героев. Посмотрим, какие именно.

Обращаясь к «Утраченным сказаниям», всегда следует помнить о многочисленных отличиях версий описанных здесь историй. В них своя география (Диор не возвращается в Дориат-Артанор, он «достиг зрелости» и «правил многочисленным народом» в тех же лесах, где жили Берен и Лютиен – и местность эта именуется Хисиломэ), своя хронология (судя по упоминанию «зрелости», а также юной, но явно не малолетней Эльвинг – после гибели Тингола проходит немало лет). Тема богатств мелькает тут лишь в самом начале: «В песнях называли его Аусиром Богатым, ибо владел он чудесным самоцветом...» («История Средиземья», т.

2, с. 240). Но дальнейшие обоснования его действий совсем иные. Я бы сказала, что Диор напоминает здесь не архетипического Скупого над сундуками сокровищ, а легкомысленного эстета: «...плохо помнил он историю Берена и Тинувиэль [*скорее всего, речь идет об их скором истаивании – К.], и привык носить на шее это ожерелье, полюбив всем сердцем его красоту...»* (там же).

При этом Диор вовсе не жаждет объединить сокровище с собственной персоной: к моменту, когда речь заходит о переговорах Диора с Куруфином, ожерелье уже носит Эльвинг, «куда бы ни шла», и Диор снова говорит об эстетических достоинствах ожерелья: «глядя на красоту Эльвинг,.. не может он позволить, дабы Науглафринг, прекраснейшее из земных творений, был испорчен» («История Средиземья», т. 2, с. 241).

(Впрочем, на предложение отдать Наугламир в таком случае целиком Диор вспоминает уже о походе Берена – и предлагает сходить за оставшимися двумя Камнями; к этому аргументу, довольно популярному в фэндоме, нужно непременно добавить, что в версии «Утраченных сказаний» нет ничего, подобного Союзу Маэдроса).

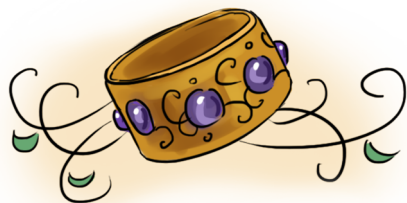
А поскольку я упомянула Куруфина, отметим: в этом сюжете появятся сыновья Феанора и их клятва (в данной версии – именно их, а не Феанора). Мало того, клятва явно «представляется» не только Диору («...и послали они к Диору Куруфина Искусного поведать об их клятве...» (там же)), но и читателю. Мало того, если разложить имеющиеся у нас тексты по хронологии, то очень похоже, что это момент *первого* появления в них Семи Сыновей Феанора как своеобразного «коллективного персонажа», с именами (которые впоследствии радикально меняются только у двоих младших), Клятвой, определяющей их действия, – и даже некоторыми личными черточками (Куруфин Искусный, Маэдрос, «искалеченный Мелько»). И именно с их появлением связано то единственное любопытное упоминания проклятия Мима в этом сюжете: «...из-за своей нерушимой клятвы и (? жажды) получить Сильмариль (не понадобилось даже проклятие Мима и дракона) они замыслили войну с Диором...»

Итак, никак не объясненная впрямую, но явная закономерность: при наличии Клятвы проклятие «не понадобилось» и, похоже, не определяло в данной истории ничьи действия. И что удивительно – это в том раннем тексте, где «чары» и «проклятие» определяют действия персонажей на каждом шагу!

И не менее любопытное подтверждение этого тезиса мы встретим в следующем по хронологии тексте – «Наброске мифологии». При его написании версии многих сюжетов, вошедших затем в «Сильмариллион», претерпели значительные изменения. Особенно это видно по первоначальным версиям текста, которые затем были исправлены. К мотивациям Диора в нем я еще вернусь, а пока обращусь к финалу его истории, который первоначально был записан следующим образом:

«После напрасных переговоров сыны Феанора пошли на Диора войной... и уничтожили его, и забрали Науглафринг. Братья перессорились из-за него, в силу проклятия золота, и, наконец, в живых остался один Маглор» («История Средиземья», т. 4, с. 33).

Как развивалась бы при таком «альтернативном» сюжете эта история дальше, мы не знаем, поскольку ко времени написания текста о Гаванях Сириона версия событий уже явно была исправлена, Сильмарил оказался у Эльвинг, а живых сыновей Феанора – более одного (2). Тем не менее, перед нами, на мой взгляд, любопытное доказательство «от противного» – стоило в сюжете второго разорения Дориата появиться проклятию золота (единственное

подобное упоминание!), как оно тут же привело к «альтернативным последствиям»! И это при поразительной устойчивости этого мотива в истории Тингола и гномов (в текстах ранее ВК, по крайней мере).

Таким образом, в «не-альтернативной» версии истории действиями героев ведают другие силы и мотивы. И если для сыновей Феанора они

достаточно ясны (опять же, еще с «Утраченных сказаний») – это Клятва, то посмотрим, что нам известно о мотивах действий Диора.

Те же тексты времени «до ВК» довольно последовательно развивают – как ни кратки упоминания – мотив о гордости Диора. Еще в «Науглафринге» сыновья Феанора узнают, «что Сильмариль... содеялся нынче гордостью и славой Диора из южных долин» («История Средиземья», т. 2, с. 241).

Ему вторят «Набросок мифологии»: «Диор восстановил Дориат, и возгордился, и носил он Науглафринг...» («История Средиземья», т. 4, с. 33)

...и «Квента» 4 тома, где сыновья Феанора также узнают «о возрождении Дориата и гордости Диора» (там же, с. 135 (исправленный вариант)).

Тексты 5 тома, к сожалению, уже не освещают этот сюжет, – кроме весьма кратких «Анналов Белерианда» – а последующие упоминания (тексты после «Властелина Колец») едва ли не более кратки.

Так что на основании приведенных здесь примеров делаю еще один промежуточный вывод: слухи о привязанности Диора к Сильмарилу текстами никак не подтверждаются. Гордость – качество неоднозначное, а при переходе в гордыню – и вовсе отрицательное, но для изменения ее степени у нас катастрофически мало данных; главное же – это *иное* качество, чем любовь к золоту или к сокровищам вообще, неоднократно упомянутые для Тингола. И даже если владение Сильмарилом как-то ее увеличивало (а из кратких перечислений довольно трудно понять, идет ли речь о связанных или о последовательных событиях), то все же в исходнике лежало некое качество его собственной личности, а не «наведенная» типовая реакция.

Этим, впрочем, не исчерпывались отношения Диора и Сильмарила, как мы можем увидеть из более поздних текстов, несмотря на их краткость.

В ранних текстах, к которым мы уже обращались, деяния Диора упоминаются кратко, простым перечислением, так что в силу краткости трудно понять, каковы логические связи между ними:

«Диор восстановил Дориат, и стал горд, и носил Науглафринг...» («Набросок мифологии»)

«Но теперь, услышав о возрождении Дориата и гордости Диора, семеро собрались вновь из скитаний...» («Квента», исправленный текст).

Исходный текст «Квенты» и вовсе упоминает о восстановлении Дориата и открытом ношении Ожерелья в разных абзацах, а «Анналы Белерианда» (том 4) – в разных погодных записях, «Анналы» 5 тома – в разных предложениях одной записи. Причем сначала следует восстановление королевства, а потом – появление у Диора Камня (или слухи у феанорингов о нем же).

Именно с краткими Анналами логичнее всего сравнивать единственный поздний текст на эту тему – еще более краткие (3) последовательные версии «Повести Лет».

Информативны для нас две последние версии – С и D (особенно ее рукописная часть, D2): версия А кратка настолько, что в ней даже не назван по имени Диор; версия В содержит снова перечисление двух фактов».

А вот в «Повести Лет С» уже наблюдается любопытная картина, состоящая из двух этапов (привожу только относящиеся к данному сюжету фразы из фрагмента, где параллельно излагается еще и гондолинская история):

«503. (...) Диор идет в Дориат и пытается восстановить королевство».

«505 (> 503). (...) Тогда вестник принес Сильмарил однажды ночью Диору в Дориат, и он носил его, и силой Сильмарила Дориат был на время возрожден».

«Повесть Лет D» как раз на истории Диора происходит не только смена машинописного текста на рукописный, но и, похоже, какие-то изменения в версиях событий вокруг первого разорения Дориата (4). Но D1, вероятно, должна была повторять уже известную нам «двухступенчатую» версию (текст обрывается на самом факте появления Камня в Дориате, до того Диор снова «пытается возродить» королевство». «Повесть Лет D2» не дает нам двух ступеней, но довольно четко показывает само действие Камня:

«504. Диор возвращается в Дориат и силой Сильмарила возрождает его...»

Траектория Камня и траектории Мелиан в этих текстах (отличные от известных нам) – это вопрос отдельный и не везде до конца ясный (5). При этом, хотя краткий текст ничего не говорит о том, почему Диор **принимает** Камень, он явно демонстрирует результат этого действия: появление Сильмарила в Дориате переводит усилия его нового правителя из стадии «пытался восстановить» к успешному исполнению этой попытки; или – в более кратком варианте – именно благодаря Сильмарилу и совершается это возрождение.

Вспомним, что существенным фактором существования Дориата была, благодаря присутствию тут майа Мелиан, «магическая составляющая», причем необходимо отдавать себе отчет в том, что она не ограничивалась Завесой. Задолго до восхода Светил – и появления Моргота, а следом и Завесы! – здесь расцветают цветы, пробужденные от «сна Йаванны», в котором пребывает все прочее Средиземье (GA, 17). «Магическая составляющая» не потеряла значение и после восхода Солнца и Луны: вспомним «Лэйтиан», где Лютиен в самом конце зимы танцует и поет, помогая весеннему пробуждению природы («Лэ о Лэйтиан») (ей, как дочери майа, были доступны чары, превышающие возможности прочих эльфов, на что неоднократно указано). И этот компонент, скорее всего, во многом определял образ жизни дориатских эльфов. При этом вокруг собственно Менегрота и его правителей складывался (для тех, кто хотел не только «сидеть на дереве») явно более сложный уклад жизни, чем у *просто лесных эльфов* – таких, какие жили в том же Хитлуме или Оссирианде. Но при этом не требующий для своего поддержания многих дополнительных усилий – большой армии и системы крепостей, «городской цивилизации»... В Белерианде после поражения Союза Маэдроза завести все это (даже если предположить, что

население Дориата бы за это взялось) в краткие сроки совершенно невозможно, а предполагать возврат к жизни «простых лесных эльфов» на столь открытой и обширной территории едва ли возможно: на прочих землях они либо скрываются в укромных и труднодоступных местах (Хитлум), либо уходят на территории, защищенные как удаленностью от Севера, так и самой природой (Балар, Оссирианд). Весьма вероятно, что при отсутствии новой «магической составляющей» население Дориата вскоре покинуло бы Дориат, отправившись в тех же направлениях – к Кирдану или за Гелион. Таким образом, присутствие Сильмарила, как представляется мне при попытке «развернуть» предельно краткий текст «Повести Лет», было не вопросом «повышения урожайности», или более роскошной жизни вместо более простой, а вопросом самого существования Дориата.

Согласно той же «Повести Лет D2», Диор «не дает никакого ответа» на предложение сыновей Феанора вернуть Камень. Таким образом, «внешние» обоснования здесь не звучат. Но я предполагаю вероятным, что среди *внутренних* обоснований эта роль Сильмарила в существовании Дориата вполне могла занимать подобающее место. Вполне вероятно – вместе с «наследственным» аргументом, озвученным еще в «Утраченных сказаниях»; а также, возможно, и со свойственной его характеру «гордостью», на которую указывают другие ранние тексты. К сожалению, это только наши предположения, поскольку такой текст так и не был написан. Но, по крайней мере, я не вижу между этими элементами явных противоречий (6).

Впрочем, в пользу аргумента о существовании Дориата может говорить также аналогия с сюжетом Гаваней Сириона. Здесь в нашем распоряжении еще меньше текстов – и меньше подробностей, но линия, тем не менее, выстраивается четкая. В «Наброске мифологии» речь идет сразу о нападении. В «Квенте» появляется идея посольства, текст существует в двух версиях: в более ранней появляется «наследственный» аргумент (со включением в него уже и Диора), причем высказывает его «народ Сириона» (в данном случае = «Гаваней Сириона»: так часто называется в текстах не только река, но и поселение). А во второй версии текст приходит к тому, что нам известно по Сильмариллиону (потому что это, увы, последнее из записанных хоть сколько-нибудь подробное изложение данного сюжета!). Послам отвечают «Эльвинг и народ Сириона», снова появляется «наследственный аргумент, с уточнением – «и тем более – пока Эарендиль, их лорд, в море» – и еще одним пояснением: «...потому что они полагали, что в этом камне был дар процветания и исцеления, которые снизошли на их дома и их корабли».

Здесь, на мой взгляд, важно указание в обоих случаях еще и на «народ Сириона» (в фэндомских дискуссиях решение часто приписывается одной Эльвинг и ее отношению к событиям, а на играх встречается ситуация, когда немалая часть этого «народа» говорит о необходимости отдать Сильмарил сыновьям Феанора). Что касается «дара процветания и исцеления», то мне случалось не раз встречать мнение, которое сводило «они полагали» к «им казалось» (а в действительности все было не так). Тем не менее, хотя в «Повести Лет» там, где есть относительно подробные записи (версии C, D), тексты обрываются ранее разорения Гаваней, версия D2 содержит совершенно ясное указание, аналогичное по терминологии дориатскому из того же текста:

«511. Изгнанники из Гондолина (...) достигают Сириона, который теперь процветает силой Сильмарила».

Конечно, для существования более удаленного поселения прямая угроза была меньше (но нельзя ее вовсе исключить; вспомним «орков Мелько», которые разоряют аналог

Гаваней в набросках «Утраченных сказаний»). К тому же, согласно другим текстам, эти земли могли хранить также сила Ульмо (см. например, географическую главу «Сильмариллиона»), а после прихода беженцев из Гондолина – также Зеленый Камень (впрочем, пока с ним не отплыл Эарендилль – см. текст «Элессар»). И все же я полагаю, что его роль в существовании сложившегося здесь «сложносочиненного» поселения эльфов и людей, мореходов и не только – единственного подобного образования в Белерианде – была достаточно явной не только для четы правителей, владевших Сильмарилом, но и для обыкновенных обитателей города, «народа Сириона».

Таким образом, мы видим и здесь «возрождающее» влияние Сильмарила, которое прослеживается, начиная от бесспорного случая Тол Гален и продолжая Дориатом, где этот аспект был простроен и увязан с другими только в более поздних текстах.

Кроме того, и в истории Гаваней происходит скорее накопление разных факторов, от одного к нескольким – как в аргументах не отдавать Сильмарил («наследственный» аргумент; благодарная сила Камня, невозможность решения в отсутствие правителя), так и среди факторов, защищающих Гавани (снова – данные разных текстов, которые, однако, не противоречат друг другу, на мой взгляд: сила Ульмо, Зеленый Камень, Сильмарил). Это достаточно характерный вектор развития толкиновских текстов, его картины Арды: углубление, добавление новых оттенков... И он, на мой взгляд, может быть прослежен (хотя и отчасти предположительно) даже на столь кратко и отрывочно изложенных сюжетах.

Тем интереснее кратко сравнить этот вектор развития с тем, как же эти сюжеты были представлены в «Сильмариллионе». В основном меня снова будет интересовать сюжет о Диоре, претерпевший заметные изменения под пером редактора. В целом дориатскому сюжету, до возвращения Сильмарила к Диору включительно, был посвящен отдельный доклад, как я уже говорила в начале (7).

О приходе ночного вестника с Камнем в печатном «Сильмариллионе» рассказывает довольно яркий и подробный (по сравнению с окружающим текстом) эпизод; по объему он практически равен всему описанию второго разорения Дориата, начиная от посольства феанорингов. Интересны следующие моменты: здесь много подробностей (шкатулка, в которой лежит камень; молчание вестника; Диор, долго сидящий над принесенным даром в одиночестве...), но практически все они – судя по всему, творчество редактора. Что он не добавляет – так это точных мотивов Диора в этот момент. При этом указывается как точный факт, что Сильмарил укоротил жизнь Берена и Лютуиен (в исходном тексте той же «Повести Лет» – предположение), и говорится, что именно после того, как Диор надел на себя ожерелье, он «казался прекраснейшим из детей мира» (описание красоты взято из «Квенты», где оно никак не связано с Сильмарилом, – о нем упоминается позже – а только с происхождением Диора от «трех народов»). По моему предположению, в сочетании с тем, что в предыдущем тексте также не нашли отражения какие-либо иные мотивации героев (Тингол, гномы), кроме привязанности к Сильмарилу (в основном – добавление редактора), такой «беспричинный» эпизод может подстрекать читателя применить аргумент привязанности к Камню и здесь. Притом, что в текстах оно в отношении Диора ни разу не упомянуто, а упомянутые его «связи» с Сильмарилом отражения не нашли. Это, на мой взгляд, обедняет сюжет, и так небогатый доступной информацией.

Интересно, что в отношении Гаваней Сириона подобного сокращения или замены

мотивов не производилось, но пресловутый аргумент «привязанности к Камню» тоже не упомянут в текстах – и тоже употребляется читателями, видимо – по инерции восприятия (с Тинголом – было, с Диором – тоже было...). Впрочем, иные подробности, которые могли относиться к процветанию Гаваней, даже упомянутые в том же «Сильмариллионе» (сила Ульмо), также не попали в текст.

Отсюда и проистекает мой основной вывод: я полагаю, что для наиболее полного восприятия данных сюжетов, для того, чтобы они были и глубже, и интереснее для читателя, игрока или просто спорщика «по мотивам», наиболее продуктивно будет ознакомиться со всеми доступными текстами по данному сюжету, хотя бы они были кратки и, казалось бы, излагали ту же самую схему событий. По меньшей мере – с какими-либо из собственно толкиеновских текстов, потому что обработка этого сюжета редактором печатного «Сильмариллиона», как оказалось, существенно отличается по трактовкам от всего того, что было написано собственно Толкиеном (при сохранении – в той или иной мере – схемы событий). Возможно, от этого ваше мнение о том же Диоре и не поменяется на противоположное. Так, гордость – качество явно не однозначно положительное. Но, по крайней мере, *иное*, чем жадность до золота или привязанность помимо воли, каковую в Средних Землях вызывал с заметной регулярностью все же не Сильмарил, а совсем иной артефакт в иные Эпохи...

(1) Подробнее см. предыдущий доклад – «Жадность, проклятие, судьба».

(2) Тем не менее, исправлена она была не мгновенно, см. в следующей главке о гондолинских событиях упоминание о том, что «Тургон... после гибели Диора не желает иметь никакого дела с сыном Феанора (Маглором)»; позже исправлено на «с сыновьями Феанора». («История Средиземья», т. 4, с. 35).

(3) Поскольку они предполагались рабочим конспектом, схемой событий для достаточно подробного продолжения «Серых Анналов», - которое так и не было написано.

(4) Здесь я их не рассматриваю, так как этому посвящен отдельная работа – «Куда уходит Мелиан?»

(5) См. ту же работу, а также доклад «Фигура в тени? К вопросу о «политическом курсе» Мелиан»

(6) В отличие от предложения Диора отправиться за двумя другими Камнями, – несмотря на популярность подобного аргумента в фэндомских построениях (тексты, дискуссии, игры), я полагаю, что ему может противоречить появляющаяся позже «Утраченных сказаний» история о Союзе Маэдраса (фактически – в числе прочего – попытке такого похода!). То же относится, думаю, и к приходу в Дориат личного одного из братьев.

(7) «Падение Дориата: как это было в «Сильмариллионе». О мотивах действующих лиц... и редактора».

Статья, предлагаемая вашему вниманию, замышлялась как глава большого исследования Дома Феанора. К сожалению, на пути его скорейшего написания возникли непреодолимые препятствия, и теперь не ясно, когда оно будет написано, и будет ли написано вообще. Тем не менее, нам не хотелось бы, чтобы готовый фрагмент пропал.

Первоначальный формат статьи как главы большого сочинения накладывает свои отпечатки на ее содержание: большое количество положений в статье утверждается в форме аксиом, которые в «голом» виде, не обоснованные как подобает, наверняка вызовут непонимание и даже протест читателя. Они должны были быть раскрыты в других главах; необходимая доказательная база для этого собрана, концепция разработана. Теперь этому будут посвящены отдельные статьи, которые, я надеюсь, всё-таки будут когда-нибудь написаны, может быть даже под вдохновением от дискуссий, которые рискует породить данная публикация.

О сложностях в изучении Клятвы

Клятва Феанора – центральный, программный документ Дома, венчающий аманский период его существования и определяющий всё его бытие в периоде белериандском. Подходить к ее изучению следовало бы лишь после того, как будут подробно рассмотрены высказывания, призывы и свершения Феанора и его последователей, восстановлены принципы и идеи, стоящие за канвой деяний.

Вопрос о трактовке Клятвы сложен: слишком много копий было сломано в битвах и спорах, слишком большую роль сыграла Клятва в истории Войны Камней, слишком болезненно обсуждение её прямых, косвенных, скорых и отдалённых последствий. Клятва – явление слишком масштабное, она легко застигает собою все остальные речи и поступки, что препятствует пониманию целого. Не в последнюю очередь из-за разрушительных войн, которые велись во исполнение Клятвы: они составляют разительный контраст прогрессистским установкам Дома, которые можно выявить при отвлеченном анализе его слов и дел. Недаром в фэндоме популярно представление о Клятве как о враждебной внешней силе, подобной живому существу с собственными желаниями и интересами, преследующему феанориони вопреки их воле:

Безусловный характер действия Клятвы заставляет порою предположить в ней отдельную сущность, наделённую собственной волей. Можно было бы сказать, что Толкиен одушевляет Клятву, но это несправедливо, поскольку ни души, ни разума у неё нет, а есть инстинкт преследователя, звериное чутьё, которое её движет. Это подтверждает употребление Толкиеном глаголов, описывающих действие клятвы (например, по «Серым анналам»): «клятва спала» (7 г.), «клятва была пробуждена» (465 г.), «клятва Феанора всё ещё была жива и препятствовала всему доброму» – (468 г.). Эти глаголы характеризуют существо живое, но не разумное. Подобные глаголы Толкиен не употребляет по отношению к другим клятвам, самым близким примером можно счесть слова Финрода: «Вернулась ко мне моя клятва», – однако возвращаются и письма за отсутствием адресата. У Толкиена «одушевлённые» глаголы употребляются по отношению к таким понятиям как «судьба», «рок», что достаточно традиционно для литературного языка (Соколова Н.А., Афанасьева Л.П. (Две Змеи), Лебедева Е.Ю. (Кеменкири) «Клятва феанорингов: история и смысл мотива»).

По-хорошему, для разрешения кажущегося противоречия нам следовало бы сначала разобраться отдельно во всех прочих обстоятельствах «форменосцев», и лишь затем приступить к главному, то есть к Клятве. Тем не менее, так вышло, что мы взялись за работу с Клятвой прежде всего прочего, не успев описать необходимый для неё базис. Что ж... Реальность не всегда такая, какой мы её замыслиаем. Так что начнем танцевать от самого сложного, в надежде в дальнейшем закрывать образовавшиеся пробелы и отвечать на возникающие вопросы.

Постараемся подойти к проблеме Клятвы аккуратно. Если известно, что Майдрос однажды пятнадцать лет медлил с исполнением Клятвы (HoME XI, “The Tale of Years”: 512. Sons of Feanor learn of the uprising of the New Havens, and that the Silmaril is there, but Maidros forswears his oath ...527. Torment fell upon Maidros and his brethren (Maglor, Damrod and Diriel) because of their unfulfilled oath), а Маглор и вовсе сказал, что, возможно, лучше было бы её нарушить:

Yet Maglor still held back, saying: “If Manwë and Varda themselves deny the fulfilment of an oath to which we named them in witness, is it not made void?”

And Maedhros answered: “But how shall our voices reach to Ilúvatar beyond the Circles of the World? And by Ilúvatar we swore in our madness, and called the Everlasting Darkness upon us, if we kept not our word. Who shall release us?”

“If none can release us,” said Maglor, “then indeed the Everlasting Darkness shall be our lot, whether we keep our oath or break it; but less evil shall we do in the breaking.”

(опубликованный «Сильмариллион», гл. 24)

– то очевидно: первоначальные намерения поклявшихся, их видение обстановки, поставленные цели и выбранные для их достижения средства не вполне походили на ту будущность, которую Клятва в действительности обрела. Почему так случилось – вопрос

отдельный. С другой стороны, если в конечном итоге они всё же не отказались от Клятвы, и постарались исполнить её даже перед лицом победоносного войска Валинора, невозможно представить, будто её требования вступили в неразрешимое противоречие с осознанными целями феанориони. Ситуация сложнее. Поэтому начнём не с итогов, а с зачина истории: момента принесения Клятвы.

После «Книги утраченных сказаний» основные мотивы сюжета в этой части очень мало меняются от одного авторского текста к другому: как в составе клянущихся, месте и времени принесения, так и в предмете и содержании обета:

...В целом, рассматривая весь комплекс текстов, мы можем говорить о том, что данный сюжет изменяется достаточно мало (скорее – уточняется и развивается). (Соколова Н.А., Афанасьева Л.П. (Две Змеи), Лебедева Е.Ю. (Кеменкири), «Клятва феанорингов: история и смысл мотива»)

Обстоятельства: тьма в Валиноре, похищение Сильмариллей, убийство Финна/Финвэ, короля нолдор и отца Феанора – также определяются уже в поэме «Бегство нолдоли» (The Flight of the Noldoli (HoME III)), и далее остаются постоянными.

Как же выглядит этот сюжет Легендариума? Как звучит Клятва?

О подлинных словах Клятвы

Анализируя Клятву, исследователи стремятся вначале установить её содержание, а лучше – дословный текст. Дело хорошее.

Однако существует несколько версий как самого текста Клятвы, так и его пересказов «внутренним автором» или кем-то из персонажей. Предпочсть среди них какой-то один трудно, и нам придётся опираться больше на краткие изложения от третьего лица, чем на буквалистски-точную передачу «тех самых слов, произнесённых Феанором». Объясним, почему, и что не так со «строгими, подробными» формулировками.

Во-первых, у нас есть два варианта Клятвы в прямой речи: один – из наиболее ранних (А), другой – из позднейших черновики (В).

(А) “...Our gems are gone, our jewels ravished; / and the Three, my Three, thrice-enchanted / globes of crystal by gleam undying / illumined, lit by living splendor / and all hues’ essence, their eager flame – / Morgoth has them in his monstrous hold, / my Silmarils. I swear here oaths, / unbreakable bonds to bind me ever, / by Timbrenting and the timeless halls / of Bredhil the Blessed that abides thereon – / may she hear and heed – to hunt endlessly / unwearying unwavering through world and sea, / through leaguered lands, lonely mountains, / over fens and forest and the fearful snows,/ till I find those fair ones, where the fate is hid / of the folk of Elfland and their fortune locked, / where alone now lies the light divine.” / Then his sons beside him, the seven

kinsmen, / crafty Curufin, Celegorm the fair, / Damrod and Diriel and dark Cranthir, / Maglor the mighty, and Maidros tall / (the eldest, whose ardour yet more eager burnt / than his father's flame, than Feanor's wrath; / him fate awaited with fell purpose), / these leapt with laughter their lord beside, / with linked hands there lightly took / the oath unbreakable; blood thereafter / it spilled like a sea and spent the swords / of endless armies, nor hath ended yet: / "Be he friend or foe or foul offspring / of Morgoth Bauglir, be he mortal dark / that in after days on earth shall dwell, / shall no law nor love nor league of Gods, / no might nor mercy, not moveless fate, / defend him for ever from the fierce vengeance / of the sons of Feanor, whoso seize or steal / or finding keep the fair enchanted / globes of crystal whose glory dies not, / the Silmarils. We have sworn for ever!" (The Flight of the Noldoli (HoME III))

(B) Then Feanor swore a terrible oath. Straightway his seven sons leaped to his side and each took the selfsame oath; and red as blood shone their drawn swords in the glare of the torches.

"Be he foe or friend, be he foul or clean, / brood of Morgoth or bright Vala, / Elda or Maia or Aftercomer, / Man yet unborn upon Middle-earth, / neither law, nor love, nor league of swords, / dread nor danger, not Doom itself, / shall defend him from Feanor, and Feanor's kin, / whoso hideth or hoardeth, or in hand taketh, / finding keepeth or afar casteth / a Silmaril. This swear we all: / death we will deal him ere Day's ending, / woe unto world's end! Our word hear thou, / Eru Allfather! To the everlasting / Darkness doom us if our deed faileth. / On the holy mountain hear in witness / and our vow remember, Manwe and Varda!"

Thus spoke Maidros and Maglor, and Celegorn, Curufin and Cranthir, Damrod and Diriel, princes of the Noldor. But by that name none should swear an oath, good or evil, nor in anger call upon such witness, and many quailed to hear the fell words. For so sworn, good or evil, an oath may not be broken, and it shall pursue oathkeeper or oathbreaker to the world's end (HoME X, "The Annals of Aman").

Но в обоих встречаются синдаринские термины («Феанор», «Моргот» – вместо «Феанаро» и «Моринготто»), что в сочетании с поэтической структурой заставляет усомниться в их строгой аутентичности. Текст из «Бегства нолдоли» заведомо недостоверен: ведь формулировка «свирепое отмщение сыновей Феанора» в контексте «внутренней истории» невозможна в Валиноре, когда Феанор ещё жив и едва ли планирует в ближайшее время собственную смерть, которая не позволила бы ему мстить лично, – а сыновья не формулируют сами, а повторяют слова *отцовской* клятвы. Следовательно, это – пересказ, порождение позднейшего времени, когда феанорионы уже действовали самостоятельно, а Клятва обрела новую и для кого-то, возможно, неожиданную роль в актуальной белериандской политике. Более того, для «внутреннего автора» (некого жителя Белерианда, сочинявшего данный пересказ) Феанор – существо полумифическое, в отличие от семи братьев, фигур реальных и представляющих весомую угрозу. «Автор» не слышал своими ушами пламенных речей на

Туне и является, очевидно, кем-то из людей или серых эльфов Белерианда, или же их потомков.

Ещё ярче проблема «отмщения сыновей» выражена в тирионском фрагменте «ЛЭ о Лейтиан», где сама мизансцена Клятвы не включает Феанора: события описаны так, словно семеро братьев, «соединив руки, принесли обеты», вдохновившись речью отца – а сам отец среди клянувшихся не назван:

...There their hands / they joined in vows, those kinsmen seven, / swearing beneath the stars of Heaven, / by Varda the Holy that them wrought / and bore them each with radiance fraught / and set them in the deeps to flame. / Timbrenting's holy height they name, / whereon are built the timeless halls / of Manwe Lord of Gods. Who calls / these names in witness may not break / his oath, though earth and heaven shake. / Curufin, Celegorm the fair, / Damrod and Diriel were there, / and Cranthir dark, and Maidros tall / (whom after torment should befall), / and Maglor the mighty who like the sea / with deep voice sings yet mournfully. / "Be he friend or foe, or seed defiled / of Morgoth Bauglir, or mortal child / that in after days on earth shall dwell, / no law, nor love, nor league of hell, / not might of Gods, not moveless fate / shall him defend from wrath and hate / of Feanor's sons, who takes or steals / or finding keeps the Silmarils, / the thrice-enchanted globes of light / that shine until the final night."
(HoME III, "The Lay of Leithian")

Причём данный текст очень близок к тому, как позднее «цитирует», напоминает клятву Келегорм в Нарготронде, что дискредитирует и этот отрывок «Лэйтиан» как «строгий» источник:

...But up there starts / amid the throng, and loudly cries / for hearing, one with flaming eyes, / proud Celegorm with gleaming hair / and shining sword. Then all men stare / upon his stern unyielding face, / and a great hush falls upon that place. / "Be he friend or foe, or demon wild / of Morgoth, Elf, or mortal child, / or any that here on earth may dwell, / no law, nor love, nor league of hell, / no might of Gods, no binding spell, / shall him defend from hatred fell / of Feanor's sons, whoso take or steal / or finding keep a Silmaril. These we alone do claim by right, / our thrice enchanted jewels bright." (там же)

Стоит отметить: в более ранней поэме «Бегство нолдоли» обещания, данные Феанором с одной стороны – и его сыновьями с другой, – неодинаковы: Феанор клянётся без устали «разыскивать» или «преследовать» ("hunt") Сильмарилли, пока не найдёт их (to hunt endlessly / unwearying unwavering through world and sea, / through leaguered lands, lonely mountains, / over fens and forest and the fearful snows, / till I find those fair ones), а феанорионы – свирепо мстить тем, кто захватит или будет удерживать Камни (Be he friend or foe or foul offspring / of Morgoth Bauglir, be he mortal dark / that in after days on earth shall dwell, / shall no law nor love nor league of Gods, / no might nor mercy, not moveless fate, / defend him for ever from the fierce vengeance / of

the sons of Feanor, whoso seize or steal / or finding keep the fair enchanted / globes of crystal whose glory dies not, / the Silmarils). Но такое различие вряд ли внесено автором сознательно: скорее это чисто «внешнее» наследие «Книги утраченных сказаний», где Клятва впервые звучит уже после смерти Феанора. Впоследствии «различие» исчезает уже в «Самом раннем Сильмариллионе» (т. IV), а в версии «Квенты» (из того же тома) даже специально отмечается: феанорионы принесли «ту же самую» (“selfsame”) клятву, что их отец:

Feanor and his sons take the unbreakable oath by Timbrenting and the names of Manwe and Bridil to pursue anyone, Elf, Mortal, or Orc, who holds the Silmarils (HoME IV, “The Earliest «Silmarillion»”).

Then he swore a terrible oath. His seven sons leaped to his side and took the self-same vow together, each with drawn sword. They swore the unbreakable oath, by the name of Manwe and Varda and the holy mountain, to pursue with hate and vengeance to the ends of the world Vala, Demon, Elf, or Man, or Orc who hold or take or keep a Silmaril against their will (HoME IV, “The Quenta”).

Это “selfsame” сохраняется неизменным и в самом позднем варианте: «Then Feanor swore a terrible oath. Straightway his seven sons leaped to his side and each took the selfsame oath» («Анналы Амана»)

Во-вторых, существует ряд конспективных описаний Клятвы в прозаических текстах о восстании нолдор. Здесь ситуация значительно яснее: это повествования от третьего лица, не претендующие на буквальную строгость, но вместе с тем призванные точно передать содержательную сторону. По мере работы Толкина над сюжетом они усложняются, обрастают любопытными возвышенными деталями в поэтических версиях («Лэ о Лэйтиан», «Анналы Амана»), и, наконец, попадают в опубликованный текст «Сильмариллиона»:

Maidros, guided by Ilkorins, led a host into the hills to search for the dwellings of Melko, but they were driven back with slaughter from the doors of Angamandi; and Maidros himself was taken alive, tortured – because he would not reveal the secret arts of the Noldoli in the making of jewels – and sent back to the Gnomes maimed. Then the Seven Sons of Feanor swore an oath of enmity for ever against any that should hold the Silmarils (HoME I, “Gilfanon’s Tale: The Travail of the Noldoli and the Coming of Mankind”).

Feanor and his sons take the unbreakable oath by Timbrenting and the names of Manwe and Bridil to pursue anyone, Elf, Mortal, or Orc, who holds the Silmarils (HoME IV, “The Earliest «Silmarillion»”).

Then he swore a terrible oath. His seven sons leaped to his side and took the self-same vow together, each with drawn sword. They swore the unbreakable oath, by the name of Manwe and Varda and the holy mountain, to pursue with hate and vengeance to the ends of the world Vala, Demon, Elf, or Man, or Orc who hold or take or keep a Silmaril against their will (HoME IV, “The Quenta”).

The most of the Noldoli he persuaded to follow him out of Valinor and recover their realms on earth... and war for ever on Morgoth seeking to recover their treasure. At that meeting Fëanor and his sons swore their dreadful oath to slay or pursue any soever that held a Silmaril against their will (HoME IV, “The Earliest Annals of Valinor”).

Then he swore a terrible oath. His seven sons leaped straightway to his side and took the selfsame vow together, each with drawn sword. They swore an oath which none shall break, and none should take, by the name of the Allfather, calling the Everlasting Dark upon them, if they kept it not; and Manwe they named in witness, and Varda, and the Holy Mount, vowing to pursue with vengeance and hatred to the ends of the world Vala, Demon, Elf, or Man as yet unborn, or any creature great or small, good or evil, that time should bring forth unto the end of days, whoso should hold or take or keep a Silmaril from their possession (HoME V, “Quenta Silmarillion”).

Then Fëanor swore a terrible oath. His seven sons leapt straightway to his side and took the selfsame vow together, and red as blood shone their drawn swords in the glare of the torches. They swore an oath which none shall break, and none should take, by the name even of Ilúvatar, calling the Everlasting Dark upon them if they kept it not; and Manwë they named in witness, and Varda, and the hallowed mountain of Taniquetil, vowing to pursue with vengeance and hatred to the ends of the World Vala, Demon, Elf or Man as yet unborn, or any creature, great or small, good or evil, that time should bring forth unto the end of days, whoso should hold or take or keep a Silmaril from their possession (опубликованный «Сильмариллион», гл. 9).

Эта традиция устойчива.

В-третьих, тут и там Клятва фигурирует в текстах в связи с другими событиями – и, как правило, это сопровождается кратким, обобщённым напоминанием её сути:

Now Maidros, whom Melko maimed, was their leader; and he called to his brethren Maglor and Dinithel, and to Damrod, and to Celegorm, to Cranthor and to Curufin the Crafty, and he said to them how it was now known to him that a Silmaril of those their father Fëanor had made was now the pride and glory of Dior of the southern vales, “and Elwing his daughter bears it whitherso she goes – but do you not forget,” said he, “that we swore to have no peace with Melko nor any of his folk, nor with any other of Earth-dwellers that held the Silmarils of Fëanor from us. For what,” said Maidros, “do

we suffer exile and wandering and rule over a scant and forgotten folk, if others gather to their hoard the heirlooms that are ours?” (HoME II, “The Nauglafring”)

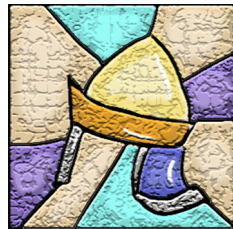
Morgoth’s cunning and lies, and the curse of Swanhaven (as well as the oaths of the sons of Feanor who swore the unbreakable oath by Timbrenting to treat all as foes who had the Silmarils in keeping) in these wars do the greatest injury to Men and Elves (HoME IV, “The Earliest «Silmarillion»”).

Стюда же относится обсуждение её положений Майдросом и Маглором (опубликованный «Сильмариллион», гл. 24). Такие источники немного добавляют к сведениям из «прозаических конспектов», хотя будут важны в дальнейшем как пример восприятия и понимания Клятвы современниками событий.

Особняком стоит прямое, хотя и неполное, воспроизведение Клятвы в Нарготронде, которым Келегорм напоминает собравшимся о значении Сильмариллей для феанориони: “Be he friend or foe, or demon wild / of Morgoth, Elf, or mortal child, / or any that here on earth may dwell, / no law, nor love, nor league of hell, / no might of Gods, no binding spell, / shall him defend from hatred fell / of Feanor’s sons, whoso take or steal or finding keep a Silmaril. These we alone do claim by right, / our thrice enchanted jewels bright”. Примечательно, что его слова *вроде бы* незначительно, но отличаются от первого пересказа Клятвы в той же «Лейтиан» (Be he friend or foe, or seed defiled / of Morgoth Bauglir, or mortal child / that in after days on earth shall dwell, / no law, nor love, nor league of hell, / not might of Gods, not moveless fate / shall him defend from wrath and hate / of Feanor’s sons, who takes or steals / or finding keeps the Silmarils, / the thrice-enchanted globes of light / that shine until the final night): по сравнению с «тирионским» текстом в перечислении возможных врагов появляется вариант «эльф»; взгляд в будущее на тех, кто «в грядущие дни будет жить на земле», заменён обзором настоящего – «теми, кто может *сейчас* жить *здесь* на земле»; в перечне препятствий, неспособных защитить врага, «недвижная судьба» сменилась «связующим заклатьем»; вместо «гнева и ненависти» феанорингов фигурирует «лютая ненависть»; «шары света» превратились в «*наши* яркие самоцветы»; упоминание о свечении Камней до самой «окончательной ночи» исчезло вовсе, зато появилось заявление исключительного права феанорингов на Камни; и, наконец, при описании возможных злодейских посягательств на Сильмарилли в «тирионском» варианте антагонист назван в единственном числе, а в «нарготрондском» – во множественном (1), тогда как вместо «Сильмариллей», наоборот, у Келегорма единственный «Сильмариль». Замены характерные: «нарготрондская» формула, с одной стороны, подогнана под новую ситуацию, включающую Финрода, Берена, Тингола, предмет их интереса и Завесу Мелиан (2), а с другой – отражает существенно сниженный, упрощённый по сравнению с первоначальным Валинорским, приземленный взгляд как на Камни, так и на мир в целом. Это само по себе ярко свидетельствует, что поэтические вариации Клятвы – позднее творчество сказителей на основе чьих-то пересказов валинорских событий, подверженное, к тому же, влиянию текущей политической обстановки; ни в коей мере

они не могут претендовать на преимущество перед «прозаическими конспектами» (3). Тем не менее, нужно учитывать, что «внутреннему» сказителю могли быть доступны какие-то дополнительные источники такого рода, бытовавшие в Белерианде, но отсутствующие в корпусе текстов непосредственно, а потому неизвестные нам; а также иные, более обширные, чем у нас, сведения об идеях феанорингов. Всё это сказитель мог использовать, складывая собственную песнь о деяниях эльдар и о Клятве.

Наша критика восприятия поэтических изложений Клятвы как «аутентичных» во многом относится и к «Анналам Амана», где в прозаическое повествование вклинивается – явно из стороннего текста – ритмическая формула. Внутри Арды обращение к поэзии говорит о стремлении компилятора максимально усилить впечатление, производимое рассказом о Клятве; для этой цели он должен был найти самую «красивую» из стихотворных версий – и, увы, мог счесть такой наиболее цветистой. Во «внешнем» (нашем) мире она очевидным образом восходит к «Бегству нолдоли», но опять-таки упоминает «Сильмариль» в единственном числе и содержит синдарские формы некоторых имён; да и сами клянущиеся упоминаются здесь во множественном числе: «услышь наше слово» (Our word hear thou), «обреки нас, если деяние наше не удастся» (doom us if our deed faileth), «запомните наш обет, Манвэ и Варда!» (and our vow remember, Manwe and Varda!). Поэтому, хотя текст из «Анналов Амана» и является позднейшим по времени написания и «самым полным» вариантом Клятвы, он не должен пользоваться приоритетом в сравнении с текстами «Квенты Сильмариллион» V тома или опубликованного «Сильмариллиона».

На «полноте» следует остановиться подробнее. Это свойство – избытие слов и деталей, так его вернее называть, – не является в данном случае достоинством. Толкинисты ужасно страдают из-за незавершённости и фрагментарности текстов Легендариума, поэтому у нас развивается стремление выискивать и тащить в дело все дополнительные материалы, какие только удастся найти: любая деталь, слово, имя, дата – кажутся драгоценными. Это хорошо; но не всегда. Качество источников неравноценно; нам не следует превращаться в сорок, коллекционирующих всё блестящее. Клятва – политическая декларация, и она произвела на слушателей сильное впечатление – для таких текстов характерно быть краткими, ёмкими, дельными. Нагромождения деталей и формирования длинных списков естественно ожидать скорее от последующей историографической традиции, усложняющей сохранившиеся свидетельства прошлого собственными гипотезами о смысле жизни и значении событий, непроверенными данными и старинным, почтенным вымыслом; настоящие публичные заявления и лозунги обычно просты (4), а текст из «Анналов Амана» этому критерию не отвечает.

Так что нам придётся работать с Клятвой не как с нотариально заверенным юридическим документом (5), но как с концептом, известным по пересказам и последствиям. Разумеется, у Клятвы была какая-то «истинная» формула, прозвучавшая некогда в Тирионе на Туне. Но из текстов Легендариума мы её не знаем. И, как станет видно в дальнейшем, она не нужна.

О месте, роли и содержании Клятвы

Сама по себе Клятва венчает речь Феанора, подвигшую нолдор на исход из Амана. Следовательно, по своей роли она должна как бы подводить итог сказанному ранее, суммировать и закреплять призыв, обозначать главные цели. Поэтому не стоит чрезмерно удивляться отсутствию в ней слов о личности Моргота или об убийстве Финвэ: Клятва обращена в будущее, к важнейшим задачам, и формулирует принципы их решения. О прошедших событиях Феанор сказал прежде: собственно, в первоначальном развёрнутом тексте («Бегство нолдоли») с рассказа о гибели отца речь начинается, а упоминание о Враге непосредственно предшествует принесению Клятвы. Обращает на себя внимание разве тот факт, что именно Сильмарилли, а не погибший король, становятся предметом главных выводов в речи Феанора. Но в свете их роли это не диво: через их судьбу решается судьба Арды.

Проанализировав конспективные прозаические изложения, можно выделить «базовые» мотивы – присутствующие в сюжете о Клятве изначально, «постоянные» – появляющиеся вскоре и устойчиво сохраняющиеся на разных этапах работы Дж. Р. Р. Толкина над текстом, и «дополнительные» – появляющиеся лишь местами. Проверка их валидности как действительных составляющих обета (а не положений, включённых «внутренним сказителем» ради красного словца) возможна через сопоставление с примерами восприятия Клятвы обитателями Арды и с историей её исполнения. Базовые мотивы таковы:

- 1) клятва инициируется, если некто посторонний станет удерживать Сильмарилли,
- 2) предмет клятвы – непрекращающаяся вражда против тех, кто так поступит,
- 3) ни для кого нет исключения: вражда падёт на всякого (6), кто завладеет Сильмариллями и не вернёт их феанорингам.

В таком виде Клятва фигурирует уже при первом появлении, в «Рассказе Гильфанона» из «Утраченных сказаний» (т. I). Эти элементы совершенно необходимы автору в белериандских сюжетах, это – каркас, основа роли Клятвы в придуманной истории. Именно так суть Клятвы кратко пересказывается в «Самом раннем Сильмариллионе» (т. IV) от лица сказителя: «считать врагами всех и всякого, кто обладает Сильмариллями» (the oaths of the sons of Feanor who swore the unbreakable oath by Timbrenting to treat all as foes who had the Silmarils in keeping).

Итак, центральной темой Клятвы является обладание Камнями Феанора: она практична и ориентирована на достижение ситуации, когда Камни вновь окажутся в распоряжении Первого Дома. Толкинисты порой трактуют Клятву иначе – всего лишь как обещание «ненавидеть и преследовать», безотносительно успеха или неудачи в этом деле, без намерения действительно вернуть Камни – как если бы феаноринги пытались карать посягнувших на Камни всего лишь ради сохранения самоуважения или из спортивного интереса. При таком взгляде на Клятву Сильмарилли оказываются в ней скорее предлогом, а действительной целью – следование некому хобби: враждовать с Монтеки (или Капулетти). Такое представление распространено среди толкинистов довольно широко – настолько, что возникает порой на ролевых играх, см. проект «Закона о хранении Сильмариллов» на РИ «Лориэнский Парламент» (<http://lorien-garden.diary.ru/p174884324.htm>), или в серьёзных исследованиях: «Несмотря на широко распространённое убеждение, целью клятвы не является

также получение Сильмариллов. Цель Клятвы – «преследовать всякого, кто...» посягнёт на камни» (Соколова Н.А., Афанасьева Л.П. (Две Змеи), Лебедева Е.Ю. (Кеменкири), «Клятва феанорингов: история и смысл мотива»). Теоретически позиция «не вернуть, но мстить всем, кто присваивает» имела бы смысл для защиты чести Дома, но такое понимание Клятвы Феанора ошибочно. Истинно всё же «распространённое убеждение» – возвращение Сильмариллей является *целью* Клятвы, хоть та и не содержит прямого обета во что бы то ни стало их вернуть. Это видно хотя бы из прямой речи Майдроса в тексте, где впервые фигурируют реальные поступки феанорингов во исполнение Клятвы: «мы поклялись... так чего ради мы скитаемся... когда другие собирают в свои сокровищницы наше наследство?» («Науглафринг»).

Отсутствие конкретного обещания вернуть Камни, а не только «враждовать» с узурпатором, не должно вводить нас в заблуждение: Феанор не хуже посланника Манвэ сознавал практические трудности войны с Мелькором, и даже в своей зажигательной речи не обещал эльфам лёгкой победы. Он мог поклясться только действовать тем или иным образом, *стремиться* к определённой цели или реагировать так-то и так-то на заданные обстоятельства – но не «достичь во что бы то ни стало некой заранее оговоренной цели»; в относительно позднем (и развёрнутом) изложении Клятвы даже возникает оговорка на случай неудачи в её исполнении («Анналы Амана»). Немаловажно, что кое-где в текстах идентична формулировка самих призывов Феанора к нолдор *до принесения Клятвы*: «убедил большинство нолдоло последовать за ним прочь из Валинора... и воевать против Моргота вечно/беспреданно – с намерением вернуть их сокровища» (The most of the Noldoli he persuaded to follow him out of Valinor... and war for ever on Morgoth seeking to recover their treasure) («Самые ранние Анналы Валинора», т. IV).

В этом отношении Клятва напоминает об управленческих практиках современного общества, обладающего (как и нолдор!) развитой прикладной наукой – и полагающегося на сложный комплекс социальных и технических взаимосвязей. Целью управления всё чаще оказывается организация процесса или поддержание его непрерывности, а не какой-либо конечный, количественно измеряемый результат. Клясться на процесс, а не на выход процесса, может быть характерной чертой нолдорской культуры в зените её развития: в самом деле, клятвы Финрода (Thus Felagund escaped... but he swore an oath of abiding friendship and aid in every need to Barahir and all his kin, and in token of his vow he gave to Barahir his ring (опубликованный «Сильмариллион», гл. 18)) и Тургона (but Turgon shut his ear to word of the woes without, and vowed to march never at the side of any son of Fëanor (опубликованный «Сильмариллион», гл. 23)) отличаются тем же, чего не скажешь про обещание Берена непременно предстать когда-нибудь ещё перед Тинголом, и на этот раз держать в руке Сильмариль (“And when we meet again my hand shall hold a Silmaril from the Iron Crown; for you have not looked the last upon Beren son of Barahir” (опубликованный «Сильмариллион», гл. 19)). Кроме того, обещание вести себя некоторым образом, а не добиться конкретного результата, может быть следствием «вечнодействия» Клятвы, о чём см. ниже.

Что привносится «базовыми» мотивами Клятвы в итог речи Феанора?

Во-первых, главная задача похода – вернуть Сильмарилли. Это объяснить легко: Камни – «наше всё». В них заключены судьбы Арды; в них – последнее пристанище чистого

света; в них – творческая энергия и дух, способные пережить «гибель всего» (and he pondered how the Light of the Trees, the glory of the Blessed Realm, might be preserved imperishable. Then he began a long and secret labour, and he summoned all his lore, and his power, and his subtle craft, for the making of jewels more marvellous than any that had yet been devised, whose beauty should last beyond the End (HoME X, “The Later Quenta Silmarillion”, “Laws and Customs among the Eldar”). Без Сильмариллей нет будущего, в Камнях – «счастливый удел» эльфов (where the fate is hid of the folk of Elfland and their fortune locked) («Бегство нолдоли»). Вырвать их у Моргота – даже важнее, чем победить его и привести в ничтожество – поскольку тот, кто владеет Камнями, направляет судьбу мира. Да и какой незапятнанный свет в Среднеземье возможен без Сильмариллей? О других сокровищах Форменоса Феанор даже не сокрушается.

Во-вторых, распоряжаться возвращёнными Сильмариллями должны будут именно Феанор и его ближайшие сподвижники. Причины как будто не столь очевидны. Если «мы» как «владыки Света» – это все, кто пойдёт за Феанором, то почему Камни должны быть доверены именно и только ближайшему окружению Феанора? Это, по-видимому, связано со знанием о Сильмариллях, пониманием их роли и возможностей, как можно более полным представлением того замысла и тех чаяний, которыми Камни были претворены в реальность. В любом крупном деле кто-то, так или иначе, должен принимать решения, вести стратегическое и оперативное руководство. Эльфы более склонны к меритократии, чем к прямой демократии, а кто, собственно, более достоин стать хранителем Камней, чем Феанор? Он – первейший среди валинорских учёных, мастер, изготовивший Сильмарилли, он лучше всех разбирается в своём творении, и является автором самой политической концепции исхода в Среднеземье – а значит, лучше других представляет её цели. По всем этим параметрам Феанор превосходит даже Валар, и неудивительно, что именно себя видит менеджером процесса. Причём, в силу высочайшей сложности предмета, немалая часть этого знания и понимания могла быть интуитивной и плохо поддающейся передаче, разве только через практическое со-участие – поэтому вторым управленческим эшелоном оказываются ближайшие сподвижники и помощники мастера. С другой стороны, ценность и притягательность Камней столь велики, что уже и Мелькор, и Валар проявляли в них заинтересованность, и нет особой надежды избежать новых посягательств. А цели, связываемые с Камнями, даже у Валар оказались на редкость неадекватными (разбить Сильмарилли, чтобы восстановить Деревья), что уж говорить о Враге. Поэтому в данном случае Феанор счёл разумным заклинить руководство на тех, в чьём видении целей был уверен: отсюда эксклюзивный характер распоряжения Камнями, заявленный в Клятве.

Любопытен третий из «базовых» мотивов: логически он не нужен, является лишь подтверждением серьёзности первых двух, ничего по существу к ним не добавляя – но явным образом запрещающая от них отнимать. Это означает, что он призван исключить некое недопонимание Клятвы, возможное или даже вероятное в силу привычных представлений о мире. Феанор подчёркивает, что Сильмарилли становятся центром политической позиции Дома, и именно по отношению к проблеме их возвращения и использования будет в первую очередь выстраиваться взаимодействие Дома с другими мыслящими созданиями; всё

остальное – исторические, культурные, родственные связи – вторично. Тем самым знаменуется начало новой эпохи, во многом обесценивающей прежний опыт и требующей переосмысления окружения. Поскольку клянутся только Феанор и сыновья, от основной массы своих последователей они не требуют столь же решительного разрыва с прошлым – но информируют о факте и характере исторического перелома.

Первые изложения Клятвы крайне лаконичны и, по сути, сводятся к трём «базовым мотивам». Очень скоро появляются другие поэтические и прозаические версии, и в них развивается расширенный набор «постоянных» мотивов. Некоторые вводятся раньше, другие позже, но в целом они устойчивы:

4) к декларации, что преследовать нужно «всякого, кто...» добавляются перечисления возможных врагов по «народам» (Vala, Demon, Elf, or Man, or Orc; Vala, Demon, Elf or Man), или их качеств – «друг или враг, великий или малый, добрый или злой» (Be he friend or foe, or seed defiled of Morgoth Bauglir...; Be he foe or friend, be he foul or clean...; great or small, good or evil) («Бегство нолдоли», «Лэ о Лэйтиан» (оба фрагмента), «Самый ранний Сильмариллион», «Квента», «Квента Сильмариллион» V тома, «Анналы Амана», опубликованный «Сильмариллион»), причём в ряде случаев не обойдены вниманием сами Валар (Vala, Demon, Elf, or Man, or Orc; brood of Morgoth or bright Vala; Vala, Demon, Elf or Man)) («Квента Сильмариллион» V тома, «Анналы Амана», опубликованный «Сильмариллион»);

5) помимо актуального списка живущих, способных сделаться врагами, упоминаются ещё люди, что будут жить в грядущие дни (or mortal child that in after days on earth shall dwell) («Бегство нолдоли», «Лэ о Лэйтиан» («тирионский» фрагмент), «Самый ранний Сильмариллион», «Квента», «Квента Сильмариллион» V тома, «Анналы Амана», опубликованный «Сильмариллион»), или попросту «любой, кто может жить на земле» (or any that here on earth may dwell) («Лэ о Лэйтиан», «нарготрондский» фрагмент), или «любое создание... какое время явит до скончания дней» (or any creature... that time should bring forth unto the end of days) («Квента Сильмариллион» V тома, опубликованный «Сильмариллион»);

6) преследовать врага нужно не просто «всегда», но «до краёв мира» (to the ends of the world) («Бегство нолдоли», «Квента», «Квента Сильмариллион» V тома, «Анналы Амана», опубликованный «Сильмариллион»), даже в самых труднодоступных землях (through leaguered lands, lonely mountains, over fens and forest and the fearful snows) («Бегство нолдоли»);

7) не только вражда не должна прекращаться, пока узурпатор обладает Сильмариллиями, но и Клятва как таковая нерушима сама по себе, она такой задумана – хотя специально об этом говорится лишь в отдельных текстах («Бегство нолдоли», «Самый ранний Сильмариллион», «Квента»);

8) в свидетели Клятвы призываются Варда, вершина Таникветиль, а затем и Манвэ; при этом поначалу упоминаются их «вечные чертоги», “timeless halls” («Бегство нолдоли», «Лэ о Лэйтиан»), но затем такая несообразность исчезает («Самый ранний Сильмариллион», «Квента»), а вскоре после этого появляется отсылка на персонажа, действительно пребывающего вне времени;

9) Феанор и его сыновья призывают Эру услышать их слова, и клянутся его именем («Квента» IV тома, «Квента Сильмариллион» V тома, «Анналы Амана», опубликованный

«Сильмариллион» (гл. 9)),

10) в случае, если Клятва не будет соблюдена («Квента» IV тома, «Квента Сильмариллион» V тома, опубликованный «Сильмариллион» (гл. 9)), или «не удастся свершить [означенное в ней] деяние» («Анналы Амана»), Феанор и феанорионы призывают на себя «Вечнодлющую Тьму» (???)

...и в свете трёх базовых мотивов мы можем лучше понять эти. Пункты 4 и 5 являются не более чем усилением п. 3. «Любой» – он и есть любой, зачем же дотошно перечислять людей, эльфов, орков, Валар и демонов? Только для разъяснения: слово «любой» сказано всерьёз – захватчик Сильмариллей делается врагом феанорингов, кем бы он ни был. Именно поэтому вслед за длинным списком вновь повторяется: «а вообще, это может оказаться кто угодно – до конца дней время долгое». На такую же деконструкцию иллюзий рассчитаны оппозиции качеств. Важно отметить, что Феанор здесь открыто декларирует период действия Клятвы, когда могут появиться подлежащие вражде узурпаторы, как *равный времени существования Арды*: «кто угодно в грядущие дни мира» в ранних текстах – звучит немного размыто, хотя несёт однозначный смысл, «до конца дней» в поздних – со всей определённой («Квента Сильмариллион» V тома: «to pursue with vengeance and hatred to the ends of the world Vala, Demon, Elf, or Man as yet unborn, or any creature great or small, good or evil, that time should bring forth unto the end of days»; опубликованный «Сильмариллион»: «to pursue with vengeance and hatred to the ends of the World Vala, Demon, Elf or Man as yet unborn, or any creature, great or small, good or evil, that time should bring forth unto the end of days»). Причём он мыслит об этом историческом промежутке в практической плоскости – поэтому «людей», которых ещё нет, но о которых известно, что они появятся – называет конкретно, а не только «в числе прочих». Это означает, что «вечнодействие» Клятвы полностью им осознавалось: оно не является каким-то побочным следствием случайного, сделанного в порыве вдохновения, призыва к Манвэ и Варде стать свидетелями. Нет, «вечнодействующей» Клятва была задумана с самого начала. Почему так, увидим чуть позже.

Упоминание Валар среди потенциальных узурпаторов подаёт проблему возвращения Сильмариллей как кардинально важную, стоящую в сердце Истории мира, а потому своим значением превосходящую его Силы и законы.

П. 6 усиливает универсализм Клятвы: подчёркивает, что она действительна повсюду в пределах Арды. Феанор мыслит глобально: Сильмарилли и их свет равно важны для всего мира, потому и защищать Сильмарилли нужно везде. Фактически, в сравнении со временным размахом Клятвы пространственный ещё скромнее. Это связано, возможно, с ограничениями природы эльфов: ведь они привязаны к Арде (...the children of Men dwell only a short space in the world alive, and are not bound to it... Whereas the Elves remain until the end of days) (опубликованный «Сильмариллион») и, как объясняет Финрод, принадлежат ей телом и душой, и погибнут вместе с ней окончательно и полностью (But the end will come. That we all know. And then we must die; we must perish utterly, it seems, for we belong to Arda (in hroa and fea) («Атрабет»); For that is what lies before us, so far as our reason could see: the completion of Arda and its end, and therefore also of us children of Arda (там же)). Так что планировать действия вне Арды им не

руки. Даже те «многие», кто не разделял мнений, высказанных Финродом в беседе с Андрет, оспаривали только правомерность уверенности, будто такая ситуация сохранится *навсегда*, а бытие эльфов прекратится с концом Арды (Therefore many of them hold that it cannot be asserted that the fate of the Elves is to be confined within Arda for ever and with it to cease). Нет никаких сведений о конкретике воззрений, альтернативных «финродовым», по части будущей судьбы эльфов: это чистая теория, беспримесная «эстель», не утверждающая ничего определённого, но лишь отвергающая безысходность. Текущее положение вещей её носители представляли, по-видимому, так же, как Финрод. Поэтому рационально мыслящий эльф ставил себе задачи главным образом в пространстве Арды, на судьбу которой возможно было повлиять сейчас, а не долгие эпохи спустя, после разрушения мира и многочисленных, ещё не предвиденных, событий.

Теперь уже видно, что п. 7 неслучаен: Клятва «вечна» в пределах Арды, и неудивительно, что в отдельных текстах Феанор так и начинает её с «аннотации»: «я приношу здесь клятвы, нерушимые узы, чтобы связать себя навсегда...» («Бегство холдоли»).

П. 8 призван, во-первых, подчеркнуть важность и торжественность момента, значение, которым обладает Клятва даже для Короля и Королевы Арды. Во-вторых – это становится особенно важно после того, как Толкин ввёл в сюжет упоминание имени Эру – это информирование Валар о целях и намерениях феанорингов, призванное: отчасти удержать Силы от необдуманного вмешательства, отчасти устыдить их за бездействие, отчасти – сообщить им, что сейчас по-настоящему важно, если сами они этого не разумеют. Кроме того, этот пассаж (наравне с включающими Валар вариантами п. 4) являет новую систему отношений между обитателями Арды. Подобным обращением к Манвэ и Варде Феанор, при всём своём уважении к Валар, проводит их частичную десакрализацию – показывая, что мирроанви могут, например, *ставить Валар в известность*, а не только обращаться за советами/указаниями или благословениями/разрешениями. Айнур пребывают в мире, и в своих знаниях, мнениях и делах остаются конечны; даже превосходя в каких-то областях тех или иных Детей Эру, они всё равно подчиняются судьбам мира, и не могут бесконечно долго «стоять над схваткой»: обстоятельства так или иначе вынудят их участвовать в Истории – по большому счёту, наравне с другими обитателями Арды.

Пункты 9 и 10 особенно интересны. «Тьма» появляется в изложениях Клятвы синхронно с именем Всеотца. Кто-то может счесть это случайностью, но в «подробной и поздней» версии мотивы связаны неразрывно: в тексте «Анналов Амана» феаноринги призывают Эру «услышать их слово, и обречь их Вечнодлющейся Тьме, если их деяние не удастся» (To the everlasting Darkness doom us if our deed faileth). Там, где этот текст лишь раскрывает устойчиво существующий мотив, нет причин ему не доверять. По всей видимости, «Вечнодлющаяся Тьма» – это феномен чрезвычайно высокого порядка, стоящий в метафизической картине мира над властью Валар, и подчинённый исключительно Единому. Но что это может быть? Толкинисты много рассуждали на данную тему, но к удовлетворительному решению пока так и не пришли. Что мог иметь в виду Феанор?

Прежде всего нужно осознать: во-первых, «Тьма» здесь – это не часть образной системы Арды как плода толкиновского воображения, но понятие культуры эльдализ; во-

вторых, Феанор обращался к большой толпе – и изъяснялся *доступно*. Благодаря последнему сразу отпадают любые криптотеории, придающие этой «Тьме» какое-нибудь очень сложное и узкое значение в метафизическом механизме, в структуре которого не сразу и разберёшься. Следом за ними – толкования слов Клятвы в сугубо «земном» контексте, как у Морваэна: «Полагаю, что данная Тьма в данном случае является метафорой ада, то есть бытия в предельной отлучённости от всего доброго и жизнетворного, что есть в жизни. Опять же здесь мы имеем предельное согласие с христианской традицией, как богословской, так и литературной – вспомним, кому был отведён последний круг преисподней: предателям, нарушителям слова» (Морваэн, «Размышления над Клятвой с карандашом в руках»). «Законы и обычаи эльдар», конечно, местами вторят катехизису, но откуда в Тирионе времён Исхода «христианская традиция, как богословская, так и литературная»? Наряду с «метафорой ада» приходится отвергнуть и ту идею, что Феанор ставил на кон свою душу, собственное превращение в агента зла: история эльдар и авари была ещё не столь бурной, чтобы породить концепции и образы нравственного падения, проникновения тьмы в душу человека или эльфа и т.п. Нет, всё должно быть нагляднее и проще.

Отгадку следует искать в истории и культуре нолдор. Нельзя отказать в остроумии Кеменкири и Двум Змеям, связавшим «Тьму» в клятве Феанора с ужасающей тьмой Унголиант – поразившей, должно быть, воображение эльфов:

Если мы вернёмся к моменту Клятвы, то в сознании самого Феанора и его сыновей она скорее сопряжена с тьмой иного рода, исходящей от Унголиант. «Слепящая тьма нахлынула на Север, и в сердце той тьмы шла тьма, которой не было имени, и тьма изливалась из неё...». Мы можем только догадываться о том, насколько эта эсхатологическая картина произвела впечатление на не знавших ничего подобного обитателей Валинора. В клятве Феанор понимает тьму, как самую ужасную участь, которую он может представить. «В тот час родилась Тьма, что казалась не пустотой, а живой тварью, ибо она порождена была злой силой (из) вне Света, и владела мощью пронизать взор, входить в сердце и душу, и покорять волю». Для них тьма – это первый страх, который они узнали в жизни, первое соприкосновение со смертью. Таким образом, Вечнодлющаяся Тьма, упомянутая в клятве, это не место, а состояние феа в трагические дни перед Исходом нолдор (Соколова Н.А., Афанасьева Л.П. (Две Змеи), Лебедева Е.Ю. (Кеменкири), «Клятва феанорингов: история и смысл мотива»).

Но – ни Феанор, ни большинство тирионцев Унголиант вблизи не наблюдали, т.к. находились на пиру у Таникветиль. Её хорошо запомнили феанорионы и другие обитатели Форменоса, но сложены-то слова Клятвы самим Феанором – да и обращены в первую очередь к нолдор Тириона...

Итак, что в тот момент знали калаквенди о Тьме? Немногое. В Амане вообще не было темноты. Свет Деревьев периодически тускнел, но никогда полностью не гас. Поэтому тьма оставалась для них чуждым понятием, которое не могло быть хорошо разработано. Тем не менее, Феанор говорит не просто о «Тьме», но о тьме «вечнодлющейся» – видимо, это важно.

Для эльдар всё же существовали несколько видов «тьмы». Неплохой их обзор сделан в статье Кеменкири и Двух Змей «Клятва феанорингов: история и смысл мотива», хотя вопрос там задан не вполне точно: «какой смысл вкладывает Толкин?», а не «какой смысл вкладывают эльдар?». Нетрудно видеть: понятие «вечнодлющейся тьмы» встречается у Толкина лишь единожды, т.е. в систему постоянных образов Легендариума не входит. А вот о персонажах такого сказать нельзя: целые пласты их культуры вполне могут быть представлены лишь обрывками. Итак, нолдор известны (чаще в теории, порой в памяти):

а) тьма за плечами, оставшаяся в Среднеземье,

б) внешняя тьма за Вратами Ночи, за Стеной Мира – откуда, по словам Валар, в век Весны Арды пришёл Мелькор со своим воинством (And it is sung that in that feast of the Spring of Arda Tulkas espoused Nessa the sister of Oromë... Then Tulkas slept... and Melkor deemed that his hour had come. And he passed therefore over the Walls of the Night with his host, and came to Middle-earth far in the north (опубликованный «Сильмариллион», гл. 1));

с) тьма, наполнявшая мир прежде демиургических трудов Валар и сотворения света;

д) тьма, в которую вновь погрузится мир, когда Арда погибнет и всё вернётся в хаос;

е) тьма старых преданий, возникших до знакомства с Оромэ и давно отринутых в Амане – но не забытых: «царство ночи», к господину которой уходят души умерших (What then happened to the houseless fea? The answer to this question the Elves did not know by nature. ...Others guessed more darkly that they passed into “the Realm of Night” and into the power of the “Lord of Night”) («Законы и обычаи эльдар»);

ф) тьма, установившаяся в Амане после убийства Деревьев и похищения Камней.

Первые четыре вида тьмы роднит то, что все они – проявления неустроенности, беспорядка, хаоса – первозданного, окончательного или не вполне преодоленного. Одновременно, хотя за давностью лет и освобождением из Мандоса это подзабылось, «тьма за плечами» (“a”) – во многом продукт деятельности Мелькора и отчасти совпадает с изначальной тьмой-хаосом (“c”), до какой-то степени сохранившейся вне Амана именно его «трудами»; внешняя тьма (“b”) – его прежняя вотчина вне Арды; «царство ночи» (“e”) тоже понималось эльфами Куивинэн как его владение; а тьма в Валиноре (“f”) только что принесена им непосредственно. Что касается тьмы после гибели Арды (“d”), то её будущим наступлением Феанор был озабочен уже продолжительное время, и как раз она является по определению «длющейся вечно» – ибо наступает, когда мир приходит к концу, и в нём ничего уже более не будет. В предвидении «всеобщего конца» Феанор и создал Сильмарилли; других нолдор данная тема тоже, должно быть, волновала, если в Белерианде Финрод уже является носителем упорядоченных и депрессивных воззрений о неизбежной гибели эльфийских душ при «конце мира». Заметим, что перед лицом Манвэ и большого собрания аманельди Феанор назвал Мелькора «Чёрным Врагом мира» – указав, по-видимому, на разрушительный характер всей деятельности последнего (Then Fëanor rose, and lifting up his hand before Manwë he cursed Melkor, naming him Morgoth, the Black Foe of the World) (опубликованный «Сильмариллион», гл. 9). Нолдор своими глазами видели яркую иллюстрацию взаимосвязи между древней тьмой-хаосом (“c”), деградацией Валинора до плачевного состояния

(“f”), сходного с тёмным, неустроенным (“a/c”) Среднеземьем, и грядущим возвращением всей Арды в хаос (“d/c”), который так или иначе не может установиться без разрушения известного им светлого и упорядоченного мира (подобно уже состоявшемуся разрушению валинорского блаженства). Легко отслеживалась и роль Мелькора, приносящего все эти явления откуда-то извне (“b”). Таким образом, Феанору нетрудно было убедить собрание, что Моргот – корневая причина всего мирового зла, источник смерти и основной агент грядущего разрушения мира (что вполне соответствует действительности Арды). Более того: хотя в свете Амана древние страхи о «ночи», ждущей умерших (“e”), подзабылись, вопрос посмертной участи встал с новой остротой, когда Ойолоссэ осталась «последним островком света в затопившем мир мраке» (Soon the Holy Mountain stood alone, a last island in a world that was drowned) (опубликованный «Сильмариллион», гл. 8). В самом деле, если Аман погрузился в ту же тьму, что и Среднеземье, то метафизическое влияние Моргота значительно расширилось: недалеко ли и гибель мира? Но если Арда погибнет и, стараниями Мелькора, погрузится во тьму – не значит ли это, что именно тьма и ждёт души эльфов, принадлежащие Арде – вместе со всей Ардой? Насколько можно различить «хаос», «тьму» и «ничто» в окончательной участи фэар?

Таким образом, не нужно ничего искать на стороне. Все известные аманьяр виды «тьмы» оказываются глубоко связаны между собой и фокусируются в наличном ужасе омрачённого Валинора, наглядном примере грядущей судьбы Арды – и эльфов, её обитателей. «Вечнодлющаяся тьма» – это всего лишь такая вот Тьма, оставшаяся навечно. Проблемой данной «Тьмы» Феанор занялся задолго до этих трагических событий, и сотворение Камней стало первым крупным осознанным шагом в противостоянии Тьме. Всякое разрушение благого порядка есть приближение и усиление Тьмы; а полное наступление Тьмы есть разрушение всего. Если смотреть на историю текстов «снаружи», можно заметить: в том участке Клятвы, где вскоре в результате авторской переработки появится пресловутая “Everlasting Darkness”, в «Лэ о Лэйтиан» фигурирует “final night”. О ней говорится в восхвалении Сильмариллей, замыкающем Клятву: «...трижды зачарованные шары света, что сияют до [самого наступления] окончательной ночи» (the thrice-enchanted globes of light that shine until the final night) (Лэ о Лэйтиан, «тирионский» фрагмент).

Каковы же перспективы отдаления и уменьшения Тьмы на момент принесения Клятвы? Свет Деревьев погиб; единственная надежда рассеять тьму живёт в Сильмариллях; среди всего, что есть в мире, они также обладают наилучшей защитой от катаклизмов и не могут быть разрушены никакой силой в пределах Арды – поэтому, если окончательная гибель мира ещё не наступила, в них сохраняется надежда на исцеление его ран.

Но! Сильмарилли находятся в руках Моргота. Именно в этом – настоящая катастрофа. Пока Моргот владеет Камнями, нечего и надеяться вернуть миру свет и благополучие. Хаос распространяется стремительно, с лёгкостью захлестнул Аман – славу которого Валар не надеются воскресить иначе как посредством Камней. В противодействии Морготу Валар также оказались неэффективны. «Вечная тьма», невозможная гибель – вот судьба всего мира при сохранении свободы Моргота. Если же он сумеет ещё и сам воспользоваться Сильмариллиями...

Как видно, «Вечнодлющаяся Тьма» предстаёт реальной и близкой перспективой, если не удастся отнять Камни Феанора у Моргота – т.е. достичь цели Клятвы и похода нолдор. Нисхождение Тьмы – не более чем закономерное следствие «неудачи нашего деяния» (To the everlasting darkness doom us if our deed faileth) («Анналы Амана»). Единственное, что в своей Клятве добавляют Феанор и феанорионы к этой независимо нагрянувшей безрадостной перспективе – призывают Тьму именно на себя, если не сумеют одолеть её: подставляются под огонь. Это род бравады: «мы стоим плотиной на побережье тьмы, после нас – холодный дождь, пустота, забвеньё» (7). При поражении неотвратимая гибель грозит всем – они только вызываются первыми принять судьбу мира («всё, чего мы стоим, чего достигли мы – это шанс погибнуть в Риме, а не в Равенне»). С другой стороны, в случае *успеха* можно надеяться на, казалось бы, невозможное – Тьмы не станет вовсе...

Слово «вечнодлющийся» само по себе Толкин в легендах употребляет редко (в стихах, «Хоббите» и «Властелине Колец» – свободнее). Оно может относиться к снегам Ойолоссы, бурному непокорному морю, к холоду, сковавшему царство Мелькора, к вожделенной нуменорцами нескончаемой жизни, сну мореходов на Зачарованных Островах (до введения темы «Изменения мира» в «Акаллабет»), к Эру или к бытию Его Детей в Арде Исцелённой. То есть превращение наличной «тьмы» в «вечнодлющуюся» будет означать усиление могущества и злой славы Моргота до равенства прежней славе Манвэ или даже соперничества со славой Всеотца, его Темы и Творения.

Неудивительно, что Феанор заклинает Тьму именем Эру! Даже Валар ограничены судьбой мира и предвидят его конец как неизбежность – над окончательной тьмой они не властны! Илуватар – единственный, в чьём ведении находятся такие материи, как завершение или продолжение Истории. И только в нём эльфы, не разделявшие учения о смертности своих душ, видели надежду на избавление.

Так что при внимательном рассмотрении парадоксальная кощунственность идеи, чтобы Эру кого-то обрекал вечной тьме, исчезает как дым: весь «экстремизм» Клятвы направлен не против Всеотца, но исключительно против Валар (и здесь, да, Феанор не даёт им спуска – даже грозит войной, если они попытаются распорядиться Сильмариллиями по-своему). Обращение к Эру предстаёт естественным и необходимым следствием работы с такой проблемой, как «вечнодлющаяся Тьма»: проблемой, которую создал не Феанор – он лишь взялся её решать – и которая столь велика, что взывает к вмешательству Единого.

Помимо «базовых» и «постоянных» мотивов, в текстах присутствует и ряд дополнительных, неустойчивых:

11) во многих вариантах озвучиваются какие-то ещё действия, помимо, собственно, «удержания Сильмариллий», способные повлечь за собой вражду Феанора. Обычно список короток: «удерживать, захватить или хранить» Камень (порой «украсть» вместо «удерживать») («Бегство нолдоли», «Лэ о Лэйтиан», «Квента», «Квента Сильмариллион» V тома, опубликованный «Сильмариллион»), – а часто никакого перечисления вовсе нет («Самый ранний Сильмариллион», «Квента», «Самые ранние Анналы Валинора»); и лишь в одном случае список исчерпывающе длинен («Анналы Амана») (8);

12) в одном из самых ранних текстов Феанор – «вечной» клятвой – клянётся

преследовать Камни неустанно, «пока не найдёт их» («Бегство холдоли»);

13) в одних вариантах фигурирует не просто «вражда», но яростная, с ненавистью, или гневом, или мстостью (to pursue with hate and vengeance; to pursue with vengeance and hatred) («Бегство холдоли», «ЛЭ о Лэйтиан», «Квента», «Квента Сильмариллион» V тома, опубликованный «Сильмариллион»), – а в других этого нет, чисто деловое обещание «считать врагами», «преследовать или убить» («Самый ранний Сильмариллион» (to treat all as foes who had the Silmarils in keeping), «Самые ранние Анналы Валинора», «Анналы Амана»);

14) в единственном тексте клянущиеся берут обязательство не только враждовать и преследовать, но и убить врага непременно – прежде Конца Дней (death we will deal him ere Day's ending) («Анналы Амана»);

15) в двух случаях про действия антагониста, влекущие за собой вражду феанорингов, сказано не просто «удерживать Сильмариль», но удерживать «помимо их воли» (who hold or take or keep a Silmaril against their will) («Квента», «Самые ранние Анналы Валинора»);

16) во всех поэтических версиях перечисляются различные препятствия для мести феанорингов, которые всё же не сумеют защитить врагов – это могут быть закон (law), любовь (love), союз богов (league of Gods), союз мечей (league of swords), союз преисподней (league of hell), мощь (might), милосердие (mercy), связующее заклятие (binding spell) и даже (sic!) недвижимая судьба (moveless fate) («Бегство холдоли», «ЛЭ о Лэйтиан», «Анналы Амана») – но в прозаических текстах ничего этого нет;

17) порой прямо в тексте Клятвы названы важные свойства и качества Сильмариллей: в Камнях «сокрыт жребий эльфов и заключена их счастливая судьба», «только в них живёт ныне божественный свет», «слава Сильмариллей не умирает» («Бегство холдоли»); как вариант – «они светят до окончательной ночи» («ЛЭ о Лэйтиан»).

... Всё это мало добавляет к Клятве, но очерчивает общие контуры теории и практики Первого Дома (поскольку такие «редкие» детали «внутри» мира добавлялись в изложение, скорее всего, исходя из дел феанорингов и пропагандируемых ими идей).

Разночтения в п. 11 показывают, что ни одно из «перечислений недопустимых действий» не надёжно. Феанора на самом деле мало интересовало, что именно делают супостаты с Камнями: воруют ли, захватывают, али хранят; главное – остаются ли при этом Камни в распоряжении Феанора и его сподвижников, или нет (здесь все версии едины). Считать, будто Феанор стал бы детально расписывать все возможные варианты обращения врага с Камнями – после того, как в общем заметил, что в будущем Арду могут населять и какие-то неизвестные пока ещё существа, и их сказанное тоже касается – по меньшей мере странно. Отсюда видна практичность Клятвы.

П. 12 относится к ранним текстам, в которых многие сюжетные мотивы ещё не прошли разделения на сложные линии. И здесь Феанор говорит, что Клятва – это не «процесс ради процесса»: у неё есть цель – «найти Камни». Но целиком Клятва и здесь звучит как «вечная» (надо думать, именно из-за этой несообразности Толкин потом убрал из текста

явно названную цель: ведь её достижение не должно прекращать действие Клятвы Феанора). Впрочем, в данной формулировке хорошо видно, что Феанор не клянётся продолжать «охоту» после возвращения Сильмариллей: следовательно, враги, завладевшие Камнями – это не центральный, а временный, случайный элемент заданной Клятвой ситуации. Лишившись Камней, они больше не подпадают под условия Клятвы, вернули ли они их по принуждению или добровольно. Персональный состав «врагов» может меняться, но это не влияет на существование Клятвы.

П. 13 ничего интересного не содержит. Возможно, Феанор и сказал, что преследовать похитителей станет с ненавистью, а за кражу Сильмариллей будет мстить, а возможно, здесь с Клятвой смешали призывы из предшествующей речи. Разницы нет.

П. 14 заставляет лишний раз напомнить, что «самый поздний» текст («Анналы Амана»), хотя и неплох сам по себе, не годится на роль «точного, достоверного» изложения Клятвы – если уж там есть *такие* проколы, совершенно несообразные всей традиции представления Клятвы в текстах Легендариума.

П. 15 на самом деле любопытен. Как мы покажем далее, в следовании Клятве феанорионы оказались весьма избирательны. Возможно, он отражает именно этот факт.

П. 16 едва ли говорит о том, что действительно называлось в Клятве: иначе такие условия нашли бы отражение хоть в каком-нибудь из прозаических переложений. Однако он взят не с потолка: Первый Дом в самом деле считал свою задачу, а значит – судьбу, выше всех прочих обстоятельств мира (ибо без возвращения Сильмариллей ничего не будет, а с Сильмариллями свободным эльфам ни Валар, ни Моргот не указ). Феанору случалось прогонять Валу – незваного гостя – или заявлять, что Валар сами ещё последуют за ним (Such hurt at the least will I do to the Foe of the Valar that even the mighty in the Ring of Doom shall wonder to hear it. Yea, in the end they shall follow me) (опубликованный «Сильмариллион», гл. 9) (как позднее и случилось). Феанорионы вполне могли говорить порою, что цели и задачи, к решению которых они призывают народы Белерианда, важнее всего другого, а окончательной цели наполнить Среднеземье незапятнанным светом не помешают ни Моргот, ни Валар, ни сама судьба (последнее говорит об их стремлении к трансценденции, ведь в Арде судьбе подчинены все, кроме людей).

Нельзя также исключать литературного происхождения всего этого «списка препятствий». При чтении «Лэ о Лейтиан» данное перечисление кажется подозрительно созвучным пикировке Берена и Тингола («но стали, пламени и скал ты не страшисься, я слышал?»). Дориатский король привязал названные опасности к Сильмариллям, – главной теме Клятвы! – однако взяты эти слова из отважной речи Берена, и в устах человека ещё не относятся к Камням. Внутренний сказитель вполне мог усмотреть сюжетную параллель между обетами и клятвами героев «Лэ», и специально привести их к большому сходству. Впрочем, в поэме «Бегство нолдоли» перечисление препятствий тоже присутствует.

П. 17 характерен лишь для самых ранних текстов, и может из-за этого показаться неинтересным. На деле же эти соображения (в более зрелых работах вынесенные автором из Клятвы в предварительные «мирные» рассуждения о Камнях) объясняют главное свойство Клятвы – «вечноедействие». Если основной темой Клятвы являются Сильмарилли, обладание

ими, и их роль в процессах разрушения или сохранения мира (а это должно быть верно и для времени прежде, чем Дж. Р. Р. Толкин нашёл удачный способ выразить идею через образ «Вечнодлющейся Тьмы»), то предназначение Сильмариллей остаётся неизменным, пока существуют они сами, и существует и нуждается в исцелении мир.

Проблема «всеобщего конца» снимается только в Энвиньянте, Камни неразрушимы – следовательно, до скончания дней вопрос о Камнях решается всегда одинаково: их нужно забрать у Моргота и не нужно ломать, а надо, наоборот, всячески приумножать с их помощью красоту Арды. В пределах Арды Камни «вечны» – поэтому так же вечна Клятва.

...И она «ещё не закончилась» («Бегство нолдоли»).

Итак, мы разобрались в первоначальном значении Клятвы, установили содержание и смысл слов Феанора. Клятва оказывается в русле идеологии и политики Первого Дома. Для неё характерны: универсализм (в пространстве, во времени, в равном отношении ко всем обитателям Арды), устремление к лучшему будущему, масштабные общезначимые цели, опора главным образом на собственные силы в деле их достижения – но вместе с тем и призыв остальным консолидироваться вокруг феанорингов (в самой Клятве вроде бы не проговаривается, но явствует из предшествующей речи) (9), конкретность задач и глобального замысла (Сильмарилли!), решимость, моральная независимость. Для обета Клятва Феанора непривычно длинна; но как текст, подающий все эти концепции «одним пакетом» – наоборот, очень ёмка. Это не инородное тело в риторике Феанора, но скорее квинтэссенция его мировоззрения. Если Феанор заранее готовился публично защищать свои идеи (а так наверняка и было), то весьма вероятно, что в Клятву органически вошли некоторые из мыслей и формулировок, выработанных ещё до разрушения Форменоса – что Клятва не была придумана целиком с нуля, на месте. Косвенными свидетельствами в пользу этого являются, во-первых, обращение к понятию «вечнодлющейся тьмы», уже давно занимавшей внимание Феанора, и, во-вторых, та лёгкость и готовность, с которой сыновья поддержали отца и *точно повторили его слова с первого раза*. Надо думать, речь в Клятве шла о вещах, знакомых и понятных им. В конце концов, даже похищение Сильмариллей не было для «форменосцев» чем-то вовсе непредвиденным: это ясно из того, что Камни хранились в окованной железом комнате (!) внутри могучей крепости: *and there at Formenos a multitude of gems were laid in hoard, and weapons also, and the Silmarils were shut in a chamber of iron* (опубликованный «Сильмариллион», гл. 7). Предвидя угрозу, сторонники Феанора, наверное, как-то представляли и цель, ради которой от неё защищались, и свой возможный ответ на кражу сокровища.

Поэтому мы считаем, что Клятва не «случайна». Возможно, если бы не бессилие и промедление Валар, не гибель Финвэ и не утрата Камней, позиция Первого Дома оказалась бы не столь резкой. Но её направление осталось бы тем же. Клятва выражает осознанную программу действий, которой феаноринги следовали *рационально, с пониманием целей*.

Продолжение следует.

Примечания

- (1) Вместо “who takes or steals” звучит “whoso take or steal” – меняется число глагола.
- (2) Или под «связующим заклятьем» – “binding spell” – понимается клятва Финрода? В любом случае, в реалиях Затмения Валинора нет ничего, подходящего на роль этого “spell”, в то время как в реалиях Белерианда подходящих явлений сразу два.
- (3) Что касается нарготрондского выступления Келегорма в опубликованном «Сильмариллионе» – это всего лишь выполненное Кристофером Толкином прозаическое переложение данного фрагмента «Лэ о Лейтиан».
- (4) Некоторые могут возразить против использования «общих соображений». Напрасно, конечно: какие-то общие соображения применяются во всяком рассуждении, даже состоящем из цитат и ссылок *полностью*. В данном же случае исходный авторский текст не то, что о Клятве – *обо всей тирионской речи Феанора* сообщает, что «слов в ней было не много» (опубликованный «Сильмариллион», гл. 9). Толкин обладал развитым здравым смыслом.
- (5) Мы слышали от мудрой Хельвдис, хорошо разбирающейся в английской речи, о существующей в Британии традиции “legal doublets” – «законнических дублетов»: в юридических текстах одно и то же явление может повторно именоваться двумя или тремя синонимичными словами. Возникнув после норманнского завоевания, эта система поначалу была призвана лишь донести смысл закона или судебного решения до всех подданных короны, на каком бы языке они ни говорили; для чего требовалось использовать термины-аналоги: латинские, французские и английские. Позже, по мере укоренения новых слов в языке, дублеты приобрели функцию «передачи оттенков и нюансов», довольно вредную на практике: общие термины лучше определяют явление, чем конечные – заведомо неполные – списки частных. Возможно, обитатели Арды поздних эпох в самом деле рассматривали Клятву Феанора как юридический документ. Но сами феаноринги, как будет видно далее, относились ко Клятве иначе, и правовым крючкотворством в её отношении не занимались.
- (6) Говорится не “those who should hold the Silmarils”, но “*any* that should hold the Silmarils” (HoME I, “Gilfanon’s Tale: The Travail of the Noldoli and the Coming of Mankind”).
- (7) «Равенна», Елена Михайлик
- (8) Впрочем, само намерение совершить всё это, как в переводе «Сильмариллиона» Григорьева и Грушецкой, феаноринги карать не собираются – ни в какой версии. Чувствуется, что Толкин сформировался в среде, не претерпевшей глубокого распада обычных норм законности и правосознания, и чужд идее «мыслепреступлений».
- (9) Строго говоря, сама Клятва дана в расчёте на такую консолидацию – «захватчиком Сильмариллей может стать любой, но по умолчанию это Моргот; его врагам естественно сплотиться вокруг нас, чтобы освободить Свет, действуя по нашему плану». Именно при таком развитии событий не пришлось бы воевать с кем-то, кроме Моргота и его слуг.

Алиса Фаер,
филологический факультет СПбГУ

**Особенности перевода фразеологизмов и пословиц
«Властелина Колец» на русский и чешский языки**
(на материале диссертации на соискание ученой степени магистра)

Как известно, творчеству и жизни Дж.Р.Р. Толкина посвящены и продолжают посвящаться многочисленные исследования. При этом большинство исследований посвящено именно мифологии и жанровым особенностям творчества Толкина, а лексическое своеобразие его трилогии до сих пор остается мало изученным, несмотря на то, что речь героев «Властелина Колец» насыщена пословицами и фразеологизмами. Часть из них представляет собой либо известные английские пословицы и фразеологизмы, либо трансформированные варианты тех же традиционных пословиц и фразеологизмов, однако многие из этих единиц все же были придуманы самим Толкином, чтобы оживить речь героев и способствовать наиболее полному раскрытию их образов. На наш взгляд, такое лексическое многообразие трилогии сделало задачу переводчиков сложнее. Именно поэтому нам было интересно посвятить исследование анализу способов перевода фразеологизмов и пословиц «Властелина Колец».

Ввиду обширности охваченного материала (106 пословиц и 527 фразеологизмов, извлеченные методом сплошной выборки) мы решили ограничиться анализом трех переводов на иностранные языки. Поскольку исследование проводилось в рамках выпускной квалификационной работы на славянской кафедре, было необходимо включить в исследование и анализ перевода на один из славянских языков, и им стал чешский. Насколько нам известно, в Чехии есть только один официальный перевод, выполненный в 1990 году Станиславой Пошустовой (Stanislava Pošustová), который мы и взяли для анализа.

Для данного исследования мы выбрали перевод 1991 г. Н. Григорьевой и В. Грушецкого: во-первых, именно через этот перевод автор статьи впервые познакомилась с Толкином, во-вторых, данный перевод является весьма распространенным, в-третьих, именно перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого лёг в основу текста русского дубляжа фильма П. Джексона. Также для анализа был выбран перевод В. Муравьева и А. Кистяковского: во-первых, это самый ранний из официальных переводов, начатый еще в 1982 г., во-вторых, этот перевод известен своей образностью, что согласуется с целями настоящего исследования перевода образных единиц.

Подходя непосредственно к проблеме перевода фразеологизмов, следует уточнить, что под **фразеологизмом** в настоящем исследовании мы понимаем **лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению, наделенное образностью и экспрессивностью словосочетание, воспроизводимое в речи в виде готовой единицы**. Пословица, хотя и близка по структуре и употреблению в речи к фразеологизму, имеет ряд черт, не позволяющих отнести ее к фразеологизмам.

Мы сочли оптимальным для систематизации, анализа и сравнения способов перевода пословиц и фразеологизмов (во многом опираясь на монографию С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе») распределить все найденные в переводах соответствия на следующие группы: эквиваленты, аналоги, замены, кальки, описания, опущения и переводческие окказионализмы. Также следует отметить, что при сопоставлении переводов и оценке их качества ключевым критерием для нас является функциональная адекватность перевода оригиналу, то есть схожесть воздействия оригинала и воздействия перевода на читателя.

Перевод фразеологизмов

1. Перевод с помощью эквивалента

К эквивалентам в данной работе мы относим такие фразеологизмы, которые полностью соответствуют по смыслу данной английской единице и основаны на одном с ней образе. При наличии в языке перевода готового эквивалента, как правило, именно этот способ перевода является оптимальным вариантом.

При сопоставительном анализе переводов фразеологизмов мы пришли к выводу, что С. Пошустова нашла 199 фразеологических эквивалентов, Н. Григорьева и В. Грушецкий подобрали 128 эквивалентов, а В. Муравьев и А. Кистяковский – 101 эквивалент. Примерами могут послужить:

1) «*My blood runs chill,*” said Gimli, but the others were silent, and his voice fell dead on the dank fir-needles at his feet [Tolkien 2000с: 30] («У меня кровь стынет», – сказал Гимли, но остальные молчали, и звук его голоса глухо упал на сырую хвою у его ног). – Вариант фразеологизма *sb’s blood runs cold* [Cambridge 2002: 30] (кровь стынет, холодеет).

Григорьева-Грушецкий: – **Кровь стынет в жилах**, – пробормотал Гимли. В полной тишине голос его прозвучал мёртво, как шорох хвои, покрывавшей здесь всю землю [Григорьева 1991: 542]. – **Кровь стынет в жилах** [Молотков 1968: 214].

Муравьев-Кистяковский: – **Что-то у меня кровь леденеет**, – заметил Гимли, но никто не отозвался, и звук его голоса поглотила сырая хвойная подстилка [Муравьев 1999: 614]. – **Кровь леденеет** [Молотков 1968: 222].

Пошустова: „**Stydney mi krev**,“ řekl Gimli, ostatní však byli zticha a jeho hlas mrtvě padl do vlhkého jedlového jehličí u nohou [Pošustová 2007: 31]. – **Krev tuhne (stydney) v žilách** [Mokienko, Wurm 2002: 252]. («У меня кровь стынет», – сказал Гимли, но остальные молчали и его голос замёртво упал в мокрые еловые иголки под ногами).

В данном случае все переводчики подобрали эквивалент к традиционному английскому фразеологизму, причем С. Пошустова, в отличие от Н. Григорьевой и В. Грушецкого, сократила фразеологизм, убрав окончание *v žilách*, чтобы перевод был ближе к оригиналу. Однако, на наш взгляд, и полный вариант русских переводчиков *кровь стынет в жилах* смотрится органично и не мешает адекватному восприятию текста. При этом усеченный вариант этого фразеологизма также встречается в русском языке: «*И нынче, Боже, стынет кровь, как только вспомню взгляд холодный...*» (А.С. Пушкин)

2) “*If he wins back at all across the Pelennor, his enemies will be on his heels,*” said the messenger [Tolkien 2000с: 53] («Если он и сможет пересечь Пеленнор и вернуться, его враги будут идти за ним **по пятам**», – сказал гонец). – *On smb’s heels* [Кунин 1984: 379] (по пятам).

Григорьева-Грушецкий: – *Враги идут по пятам*, – сказал вестник [Григорьева 1991: 558]. – *По пятам* [Молотков 1968: 374].

Муравьев-Кистяковский: – *Туго нам придется по эту сторону крепя, – сказал гонец. – От них не оторваться, идут по пятам* [Муравьев 1999: 639] (перевод в данном случае в целом не вполне точен, так как речь идет о Фарамире, пытающемся пробиться обратно к Минас-Тириту).

Пошустова: „*Jestli se vůbec dostane zpátky přes Pelennor, bude mít nepřítel v patách,*“ řekl posel [Pošustová 2007: 52]. – *Má v patách* [Mokienko, Wurm 2002: 366]. («Если ему вообще удастся добраться назад через Пеленнор, враг будет **идти за ним по пятам**», – сказал посол)

В данном случае эквиваленты традиционному английскому фразеологизму снова были найдены и в чешском, и в русском языке.

Однако довольно частыми были случаи, когда эквивалент давался лишь в чешском переводе:

3) *But why, lord, did you receive me as sword-thain, if not to stay by your side?* [Tolkien 2000с: 44] (Но разве, господин, ты взял меня в оруженосцы не затем, чтобы я был **рядом с тобой?**). – *At (или by) smb’s side* [Кунин 1984: 685] (бок о бок, рядом).

Пошустова: *Proč jste mě ale, pane, přijal za mečníka, když vám nemám zůstat po boku?* [Pošustová 2007: 43] (*Зачем же вы, господин, взяли меня оруженосцем, если я не могу стоять с вами **бок о бок?***).

Фразеологизм *jít-stát apod. po boku* [Mokienko, Wurm 2002: 45] зафиксирован в словаре Мокиенко и Вурма с приведением русских аналогов – *плечом к плечу, бок о бок*, поэтому странно, что именно в этом случае, с использованием традиционного английского фразеологизма и наличием эквивалента в русском языке, в обоих русских переводах был применен способ описания:

Григорьева-Грушецкий: *Я ваш оруженосец, и мое место рядом с вами* [Григорьева 1991: 551].

Муравьев-Кистяковский: *И зачем тогда, государь, ты взял меня в оруженосцы – не затем разве, чтобы в битве я был рядом с тобой?* [Муравьев 1999: 628].

Количество найденных переводчиками эквивалентов демонстрирует, во-первых, наличие или отсутствие идентичных пословиц в разных языках, а во-вторых, знание фразеологического фонда языка перевода. С подбором эквивалентов для фразеологизмов с большим отрывом опередила всех С. Пошустова, подобрав эквиваленты к 199 фразеологизмам из 527 возможных.

2. Перевод с помощью аналога

В данной работе под аналогом мы понимаем такую образную единицу в языке перевода, которая по смыслу аналогична английскому фразеологизму, но основана на ином образе.

Мы насчитали 69 случаев перевода фразеологизмов с помощью аналога в переводе С. Пошустовой, 61 аналог в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского и 51 аналог в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого.

Наиболее яркими примерами являются:

1) «*Indeed you did your best,*” said the wizard; “and I hope that it may be long before you **find yourself in such a tight corner** again between two such terrible old men [Tolkien 2000c: 10] («И все же ты сделал все, что мог, – сказал волшебник, – и, я надеюсь, не скоро тебя еще раз **припрут к стенке** два таких страшных старика»). – *Be in a tight corner* [Cambridge 2002: 392] (быть загнанным в угол, припертым к стенке).

Пошустова: „*Ano, dělal jsi, co jsi mohl,*“ řekl čaroděj, „*a doufám, že se teď dlouho nedostaneš do takových úzkých mezi takovými dvěma strašnými dědky* [Pošustová 2007: 11] («Да, ты сделал всё, что мог, – сказал волшебник, – и надеюсь, что теперь еще долго не будешь **зажат с обеих сторон** такими страшными стариками»).

Фразеологизм *dostat se do úzkých* [Mokienko, Wurm 2002: 566] имеет точно такое же значение «попасть в затруднительное положение» [там же], однако основан на другом образе.

Аналог данному фразеологизму предоставили также В. Муравьев и А. Кистяковский.

Муравьев-Кистяковский: – *Да, – сказал маг, – ты и вправду старался, и, надеюсь, не скоро ты снова **попадеешь в такой переплет** – малютка меж двух устрашающих старцев* [Муравьев 1999: 592]. – *Попадать в переплет* [Молотков 1968: 341].

Несмотря на то, что в русском языке есть эквивалент *загонять в угол*, переводчики предпочли изменить конструкцию предложения и из страдательного залога перешли в действительный, заменив пассивное *быть загнанным в угол* на активное *попасть в переплет*.

Другие русские переводчики решили быть более близки к оригиналу, используя в данном случае эквивалент:

Григорьева-Грушецкий: – *Конечно, ты сделал все, что мог, – повторил Гэндальф.* –

Надеюсь, не скоро тебя опять будут **загонять в угол** два грозных старца [Григорьева 1991: 526]. – Вариант фразеологизма *припереть в угол* [Молотков 1968: 358].

2) Есть примеры, где именно Н. Григорьева и В. Грушецкий используют, в отличие от других переводчиков, аналог:

*Pippin turned a corner opening on the wide place behind the City Gate. He **stopped dead*** [Tolkien 2000с: 61] (Пиппин повернул за угол, направляясь к широкой площади за воротами Города. Он **замер на месте**). – *Stop dead* [Кунин 1984: 726] (замереть на месте, стать неподвижно)

Григорьева-Грушецкий: *От страха и неожиданности у Пиппина подкосились ноги, но он все же обогнул последний угол и тут **остановился, как вкопанный*** [Григорьева 1991: 556]. – *Как вкопанный* [Молотков 1968: 70].

В данном случае традиционному английскому фразеологизму в русском языке эквивалента нет, поэтому переводчики нашли аналог, идентичный по смыслу, но основанный на другом образе. Также в данном примере видно, что порой переводчики добавляли фразеологизмы в повествование от себя, в данном случае – *ноги от страха подкосились*, хотя в оригинале не было даже намека на какую-либо фразеологизацию.

3) *«Hoom, well, that is fair enough,» said Treebeard; “for to be sure Ents have **played their part**”* [Tolkien 2000с: 170] («Хуум, ну что ж, вполне справедливо, – сказал Древобород. – Энты безусловно **сыграли в этом свою роль**»). – *Do (или play) one’s part* [Кунин 1984: 726] (выполнять/играть роль).

Григорьева-Грушецкий: – *Хуум, ну, так оно и есть, – несколько смущенный, сказал Древобород. – Это точно. Энты **внесли свою лепту*** [Григорьева 1991: 649].

Несмотря на наличие в русском языке эквивалента *играть роль* [Молотков 1968: 180], переводчики употребили аналог со сходным значением *вносить свою лепту* [Молотков 1968: 73]. На наш взгляд, это является удачным выбором, ведь библейский фразеологизм является более экспрессивным и, благодаря архаичному слову *лепта*, звучит как что-то древнее, а персонаж, который это произносит – представитель одной из самых древних рас Средиземья и большой любитель выражаться архаично и витиевато. Интересен тот факт, что во втором русском переводе также не использован аналог, а дана замена:

Муравьев-Кистяковский: – *Кзум, ну что же, оно, пожалуй, верно, – подтвердил Древень, – онты, и то сказать, **лицом в грязь не ударили*** [Муравьев 1999: 760].

На наш взгляд, использование фразеологизма с отличающимся значением *не ударить лицом в грязь* [Молотков 1968: 490], является менее удачным вариантом перевода, потому что придаёт речи персонажа некое бахвальство, которое в тексте оригинала отсутствует. Интересно то, что эквиваленты были и в русском, и в чешском, однако лишь чешская переводчица предпочла перевести фразеологизм эквивалентом, и это вполне характерно для перевода С. Пошустовой.

Пошустова: *„Húm, to je celkem slušné,“ řekl Stromovous, „protože enti rozhodně svou*

úlohu sehráli“ [Pořustová 2007: 159]. – *Hrát úlohu* [Mokienko, Wurm 2002: 557] («Хум, ну в целом, это честно, – сказал Древоус, – потому что энты, безусловно, **сыграли свою роль**»).

Однако чтобы оправдать В. Муравьева и А. Кистяковского, следует отметить, что в их переводе встречались и более удачные аналоги, например:

4) “*All right! What’s the harm in my telling you what I should like: a look at that stone? I know I can’t have it, with old Gandalf sitting on it, **like a hen on an egg**. But it doesn’t help much to get no more from you than a you-can’t-have-it so-go-to-sleep!*” [Tolkien 2000b: 136] (Ну ладно! Я только говорю тебе, что хочу взглянуть на камень – что в этом такого? Я знаю, что у меня это не выйдет, потому что старина Гэндальф уселся на него, **как наседка на яйцо**. Но от тебя только и слышно – «тебе нельзя!» да «иди спать!», и что в этом толку?).

Данный фразеологизм в доступных словарях обнаружен не был, возможно, это трансформация от традиционного английского фразеологизма *like a hen with one chick* [Кунин 1984: 384], однако в толкиновском фразеологизме обыгрывается именно то, что Гэндальф и в буквальном смысле закрывал собой магический камень (даже круглой формой напоминающий яйцо).

Муравьев-Кистяковский: – *Да ну тебя! Я всего-то и сказал, что хочу на этот шар поглядеть, а на него поглядишь, как же, Гэндальф **лежит на нем, будто собака на сене**. Тут еще ты заладил: **нельзя да нельзя, спи да спи!** Спасибо на добром слове [Муравьев 1999: 465].*

В словаре А.В. Кунина к фразеологизму *like a hen with one chick* [Кунин 1984: 384], на основе которого, на наш взгляд, построена толкиновская образная единица, дано следующее соответствие в русском языке: *носиться как курица с яйцом* [там же]. Однако В. Муравьев и А. Кистяковский для перевода использовали основанный на ином образе русский фразеологизм – *собака на сене* [Молотков 1968: 442], с аналогичным по отношению к толкиновскому фразеологизму значением: «не пользуется сам чем-либо и другим не дает пользоваться» [там же].

3. Перевод с помощью замены

Здесь будут рассмотрены те случаи, когда переводчики переводили фразеологизм из оригинала фразеологизмом языка перевода, но с другим значением. Таким образом, они сохраняли конструкцию оригинала и оставляли фразеологизм в тексте, однако меняли смысл фразы. Подобных случаев было сравнительно мало, Н. Григорьева и В. Грушецкий заменили фразеологизм всего 9 раз, С. Пошустова – 11 раз, а В. Муравьев и А. Кистяковский – 20 раз.

Примерами употребления перевода с помощью замены могут послужить:

1) *Then suddenly there was a dreadful cry and a great shock, and a deep echoing boom.*

*Forcing himself on against a gust of fear and horror that **shook him almost to his knees**, Pippin turned a corner [Tolkien 2000с: 61]* (Тут внезапно раздался страшный крик и сильный удар, отозвавшийся глухим грохотом. Насилу справившись с припадком страха и ужаса, от которого у него **задрожали колени**, Пиппин повернул за угол).

На наш взгляд, данный фразеологизм представляет собой трансформацию от *weak at the knees* [Cambridge 2002: 418], со значением: «чувствовать, что вот-вот упадёшь, потрясенный какими-то сильными эмоциями» [там же]

Пошустова: *Pak najednou strašlivý výkřik a hluboké, rozléhající se zadunění. Přinutil se jít proti závanu strachu a zděšení, který ho málem **srazil na kolena*** [Pošustová 2007: 59] (*Затем внезапно раздался ужасающий крик и гулкое разносящееся грохотание. Он заставил себя идти наперекор страху и ужасу, которые чуть не **поставили его на колени***).

В данном случае трансформированный толкиновский фразеологизм означает крайнюю степень ужаса, в то время как использованный С. Пошустовой фразеологизм *srazil na kolena* [Mokienko, Wurm 2002: 235] эквивалентен русскому фразеологизму *поставить на колени* [там же], что имеет несколько иное значение – подчинить.

2) *There was no sound at all. “A **dead end**,” muttered Sam; “and after all my climb! This can’t be the top of the tower” [Tolkien 2000с: 117]* (Не было слышно ни звука. «Ну вот, – пробормотал Сэм, – лез-лез и вдруг **тупик!** Не может же быть, что это уже верх башни»). – *Dead end* [Cambridge 2002: 91] (тупик)

Муравьев-Кистяковский: *Ниоткуда ни звука. – Добрался, **ничего сказать**, – пробормотал Сэм, – было зачем добираться!* [Муравьев 1999: 705].

В данном случае В. Муравьев и А. Кистяковский в очередной раз продемонстрировали своё вольное отношение к оригиналу, и вместо того, чтобы использовать логичный в данном месте лексический перевод словом «тупик», они заменили исходный фразеологизм на русский – *ничего сказать* [Молотков 1968: 426], не передав тем самым смысл оригинальной фразы. На наш взгляд, в данном контексте это не является оправданным, и к замене стоило бы прибегать лишь в том случае, если нет более адекватного перевода на русский.

3) *“Good evening. Mr. Baggins!” he said. “Glad indeed I am to see you safe back. But **I’ve a bone to pick with you**, in a manner o’ speaking, if I may make so bold. You didn’t never ought to have a’ sold Bag End, as I always said [Tolkien 2000с: 197]* («Добрый вечер, мистер Бэггинс! – сказал он. – Я рад снова видеть Вас в добром здравии. Но я, осмелюсь выразиться, **маленько на Вас сердчаю**, так сказать. Не нужно Вам было-то продавать Бэг-Энд, я всегда говорил»). – *Have a bone to pick (with someone)* [NTC 2000: 175] (обижаться или жаловаться на кого-то, иметь неразрешенный спор с кем-то).

Григорьева-Грушецкий: *– Добрый вечер, господин Сумникс! – обрадовался он Фродо и тут же нахмурился. – Оно, конечно, хорошо, что вернулись, но **зуб у меня на вас**, если позволите. Я всегда говорил: не след вам Засумки продавать [Григорьева 1991: 672].*

В данном случае мы имеем дело с традиционным английским фразеологизмом,

который означает «иметь разногласие, которое необходимо обсудить, иметь повод и желание спорить с кем-то» [NTC 2000: 175], в то время как русский фразеологизм *иметь зуб* [Молотков 1968: 185] означает «испытывать недовольство кем-либо, неприязнь к кому-либо» [там же]. То есть, если в оригинале заложено то, что данное устойчивое выражение предваряет спор, то в переводе подразумевается, что у хоббита просто имеется обида на кого-то, однако в данном контексте мы считаем замену удачной, поскольку отчасти она сохраняет значение, заложенное в оригинале, и также сохраняет фразеологизм в тексте.

4. Перевод калькированием

Калькирование - это дословная или почти дословная передача образной единицы, то есть просто перевод. Чешская переводчица калькировала толкиновские фразеологизмы 54 раза. Н. Григорьева и В. Грушецкий калькировали фразеологизмы 29 раз. В. Муравьев и А. Кистяковский калькировали фразеологизмы всего 13 раз.

Примерами калькирования могут послужить:

1) “*You’ll find that difficult,*” *laughed Gorbag. “He’s nothing but carrion now. What Lugbúrz will do with such stuff I can’t guess. He might as well go in the pot”* [Tolkien 2000b: 245] («Это будет нелегко, – засмеялся Горбаг. – Он же всего лишь падаль. Что с таким барахлом делают в Лугбурзе, я не в курсе. Можно было бы его и **в кастрюлю**»). – *Go to pot* [NTC 2000: 166] (идти прахом, гибнуть, рушиться).

Григорьева-Грушецкий: – *Трудновато же это будет сделать!* – *рассмеялся Горбаг. – Он сейчас просто падаль, вот и все. Не знаю, зачем он наверху, а вот для котла он в самый раз* [Григорьева 1991: 518].

Муравьев-Кистяковский: – *Ну, это дудки, – расхохотался Горбаг. – Чего дохлятину-то беречь? Жмуриков у них, что ли, в Лугбурзе не хватает? Сварить бы его на ужин, и дело с концом* [Муравьев 1999: 580].

Пошустова: „*To bude dost těžký,*“ *zasmál se Gorbag. „Vždyť je to mrtvola. Co bude s něčím takovým Lugbúrz dělat, to nemám tuhu. Moh by se zrovna tak dobře hodit na pekáč“* [Pošustová 2006: 231] («Это будет довольно-таки сложно, – засмеялся Горбаг. – Ведь это падаль. Что с таким будет делать Лугбурц, меня не волнует. Он бы хорошо **вписался прямо на сковородку**»).

В данном случае все переводчики восприняли фразу персонажа буквально, хотя здесь обыгрывается традиционный английский фразеологизм со значением «пойти прахом, уничтожиться» [NTC 2000: 166], иными словами, в русском языке можно было бы передать оба значения, например, лексическим переводом «погореть». Однако в данном случае калька

не является ошибкой, поскольку орк Горбаг не понимает, зачем его начальству в Лугбурзе понадобился мертвый, по его мнению, хоббит Фродо, и полагает, что правильнее было бы употребить его в пищу, то есть отправить в кастрюлю, котелок или кухонный горшок в прямом смысле слова (тем более в выражении *go to pot*, вероятно, имеется в виду не горшок для варки пищи, а горшок, употребляемый для противоположных целей).

2) *They all ducked, and many fell flat on their faces. The dragon passed like an express train, turned a somersault, and burst over Bywater with a deafening explosion* [Tolkien 2000a: 18] (Все пригнулись, а многие **упали ничком**. Дракон пронесся, как скорый поезд, сделал сальто-мортале и взорвался над Приречьем с оглушительным грохотом). – *Fall flat on your/its face* [Cambridge 2002: 158] (падать ниц, пасть на лице свое, падать ничком).

Пошустова: *Všichni se přikřčili a někteří rovnou padli na obličej. Drak přefuněl kolem jako rychlovlak, udělal salto a pukl nad Povodím s ohlušujícím třeskem* [Pošustová 1990: 6] (Все сжались, а некоторые и вовсе **попадали лицами вниз**. Дракон пронёсся мимо, будто скорый поезд, сделал сальто и взорвался над Поводьем оглушительных грохотом).

В данном случае Толкин имеет в виду не только буквальное значение фразы, но и обыгрывает английский фразеологизм, который означает «совершить постыдную ошибку и чувствовать себя при этом крайне неловко» [Cambridge 2002: 158], попросту говоря – «опростоволоситься». Однако, по-видимому, чешская переводчица не увидела в данной фразе фразеологизма и перевела с помощью калькирования, но в ее оправдание следует отметить, что в этом случае и русские переводчики не смогли передать игру слов:

Григорьева-Грушецкий: *Все разом пригнулись, многие попадали на траву, а дракон со свистом промчался над палатками, перекувырнулся в воздухе и взорвался над Уводьем* [Григорьева 1991: 20].

Моравьев-Кистяковский: *Все пригнулись, многие попадали ничком. Дракон пронесся над головами хоббитов, перекувырнулся в воздухе и с оглушительным грохотом взорвался над Приречьем* [Моравьев 1999: 29].

Н. Григорьева и В. Грушецкий использовали метод описания, чтобы передать, что произошло, не сохранив при этом образности, в то время как В. Моравьев и А. Кистяковский подобрали хорошую замену при помощи фразеологизма *упасть ничком*, однако замена, опять же, передала лишь буквальный смысл английского фразеологизма.

3) *They looked about in amazement, first at Frodo, and then at Tom standing large as life on the barrow-top above them* [Tolkien 2000a: 108] (Они изумленно оглядывали сначала Фродо, потом Тома, **внезапно возникшего** перед ними на вершине кургана). – *(As) large as life* [NTC 2000: 18] (о ком-то, появляющемся неожиданно).

Григорьева-Грушецкий: *Изумленно распахнутыми глазами они уставились сначала на Фродо, потом на Тома, возвышавшегося над ними и основательного, словно кражистый дуб, а потом с недоумением оглядели друг друга* [Григорьева 1991: 106].

Моравьев-Кистяковский: *С изумлением глядели они на Фродо, на Тома, во весь рост возвышавшегося над ними, на свои грязно-белые лохмотья и золотые украшения* [Моравьев

5. Описательный перевод

Описательный перевод подразумевает перевод не самой образной единицы, а перевод её смысла свободным сочетанием слов, и здесь могут быть задействованы любые средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание фразеологизма, то есть объяснения, сравнения, описания, толкования и так далее. В этом случае неизбежна утрата образности, а значит, и экспрессивной выразительности оригинала, однако, как можно увидеть в приведенных ниже примерах, переводчики, как правило, стремились компенсировать утрату фразеологизма в тексте иными средствами речевой выразительности. Естественно то, что в переводах Толкина это также популярный способ передачи, учитывая, что переводчики постоянно имели дело с авторскими неологизмами. Относительно фразеологизмов описательный способ перевода оказался преобладающим. Следует отметить, что мы включали в эту группу также фразеологизмы, переведенные лексическим способом (перевод смысла фразеологизма всего одним словом). Таким образом, в эту группу вошло 255 примеров фразеологизмов, переведенных с помощью описания (в том числе 79 – с помощью лексического перевода), у В. Муравьева и А. Кистяковского. Н. Григорьева и В. Грушецкий использовали прием описания 218 раз (в том числе 78 раз лексический перевод). С. Пошустова прибегала к способу описания 160 раз (в том числе 74 раза использовала лексический перевод).

Примеры описательного и лексического способов перевода фразеологизмов:

1) *“What! My Bill?” cried Sam. “Well, I was born lucky, whatever my gaffer may say. There’s another wish come true! Where is he?” Sam would not go to bed until he had visited Bill in his stable* [Tolkien 2000с: 182] («Что? Мой Билл? – воскликнул Сэм. – Да, **везет мне**, чтобы ни говорил Старичина. Еще одно желание сбывается! Где он?» Сэм не желал отправляться спать, пока не навестит Билла в стойле).

Фразеологизм *be born lucky* – это сокращение от полной версии традиционного фразеологизма *Be born under a lucky star* [Кунин 1984: 714] (родиться под счастливой звездой).

Григорьева-Грушецкий: – *Как? Мой Билл? – вскочил Сэм. – Эх, везет мне все-таки, что бы там старик мой ни говорил. Еще одно желание сбылось! Где он? – Сэм так и не пошел спать, пока не навестил Билла в конюшне* [Григорьева 1991: 660].

Муравьев-Кистяковский: – *Ну да? Мой Билл! – закричал Сэм. – Эх, и везучий же я, что там Жихарь ни говори! Раз-два, и еще одно желание исполнилось. Да где же он? – И Сэм лег спать не раньше, чем наговорился в конюшне с Биллом* [Муравьев 1999: 774].

Пошустова: *„Cože? Můj Vilik?“ vykřikl Sam. „Jsem já to ale šťastný člověk, ať si Kmotr říká co chce! Další přání se mi splnilo! Kde je?“ A Sam nešel spát, dokud Vilika nenavštívil ve stáji* [Pošustová 2007: 170] («Что? Мой Вилик? – воскликнул Сэм. – **Ну и счастливчик всё-таки я**,

что бы там ни говорил Крестный! Еще одно моё желание исполнилось! Где он?» И Сэм не пошёл спать, пока не навестил Вилика в стойле»).

В этом случае все переводчики перевели описанием, однако мы видим, что при этом они старались компенсировать отсутствие фразеологизма различными приемами – инверсией, частицами *таки, же, то* и так далее. Однако, на наш взгляд, русские переводчики могли бы вполне удачно перевести данный фразеологизм с помощью аналога *родиться в рубашке*.

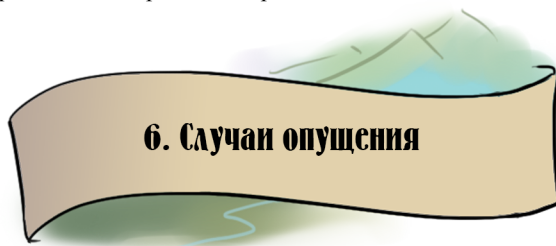
2) *Old Will the Mayor set off for Bag End to protest, but he never got there. Ruffians laid hands on him and took and locked him up in a hole in Michel Delving, and there he is now* [Tolkien 2000с: 196] (Старый мэри Уилл пошел в Бэг-Энд протестовать, но так дотуда и не дошел. Громили **схватили** его, забрали с собой и заперли в норе в Мичел-Делвинге, он и до сих пор там). – *Lay a hand on smb* [Cambridge 2002: 173] (наложить руку, захватить, схватить).

Григорьева-Грушецкий: *Старый мэри отправился в Засумки с протестом, а его схватили и посадили под замок* [Григорьева 1991: 671].

Муравьев-Кистяковский: *Голова наш, старина Вил, пошел в Торбу заявить протест, да не добрался он до Торбы. Охранцы **перехватили** его по дороге и доставили в землеройские Исправноры – верно, и сейчас он там сидит* [Муравьев 1999: 790].

Пошустова: *Starej Vilda starosta se vydal do Dna pytle protestovat, ale nikdy tam nedošel. Darebáci ho **chytili** a zavřeli do díry ve Velké Kopanině a od té doby je tam* [Pošustová 2007: 184] (Старый мэри Вилда направился в Дно Сумки протестовать, но так туда и не дошел. Негодяя его **схватили** и заперли в яме в Великой Ложбине, с тех пор он там).

В этом примере все переводчики предпочли лексический перевод, передав английский фразеологизм одним словом со значением «схватить», что в данном случае, на наш взгляд, является вполне приемлемым вариантом перевода.

6. Случаи опущения

К этой группе мы отнесли те случаи, когда переводчики сочли уместным опустить фразеологизм, ограничившись либо минимальной компенсацией, либо просто нулевым переводом. Также сюда были отнесены случаи, когда абзац, в котором находилась образная единица, был вовсе выпущен из текста (отметим, что такое встречалось только у русских переводчиков, однако не исключено, что это произошло в результате редактирования текста).

К сожалению, в случае с фразеологизмами примеры опущения встречались часто. Было найдено 69 случаев пропуска у Н. Григорьевой и В. Грушецкого, 45 случаев пропуска у В. Муравьева и А. Кистяковского и 11 случаев у С. Пошустовой.

Примерами являются:

1) *Before Frodo could stop him, he sat down, swung his legs over the brink, and twisted*

round, scrabbling with his toes for a foothold. It is doubtful if he ever did anything braver **in cold blood**, or more unwise [Tolkien 2000b: 147] (Прежде чем Фродо смог его остановить, тот уселся, свесил ноги с обрыва и перевернулся, царапая склон пальцами ног в поисках опоры. Неизвестно, поступал ли он в жизни более **хладнокровно** и отважно – или более безрассудно). – *In cold blood* [Cambridge 2002: 479] (хладнокровно).

Григорьева-Грушецкий: *Сэм не договорил, сел на край обрыва, повернулся и приготовился спускаться. Вряд ли ему раньше доводилось отваживаться на столь отчаянно–безрассудный поступок* [Григорьева 1991: 426].

2) *I am afraid you are right. The Ring will not be able to stay hidden in the Shire much longer; and **for your own sake, as well as for others**, you will have to go, and leave the name of Baggins behind you* [Tolkien 2000a: 44] (Боюсь, что ты прав. Кольцо больше нельзя прятать в Шире, и тебе – **ради себя и ради других** – придется уходить и отказаться от имени Бэггинс). – *For one's (own) sake* [NTC 2000: 123] (ради кого-то).

Муравьев-Кистяковский: *Да, похоже, что ты как нельзя более прав. По нынешним временам Кольцу не место в Хоббитании: тебе — да и не только тебе — придется уйти и на время забыть, что ты Торбинс* [Муравьев 1999: 58]. В данном случае переводчик не вполне понял текст: уходить нужно было одному Фродо, но сделать это он должен был в том числе ради спокойствия прочих жителей Шира, которые могли пострадать из-за того, что на их территории находятся Кольцо и его Хранитель.

3) *Much I wonder what counsels they are taking in the tents there below. **For my part, like Merry**, I wish that with our victory the war was now over* [Tolkien 2000c: 99] (Очень интересно, что за совет они держат вон там в палатках. **Что до меня**, я, как и Мерри, хотел бы, чтобы с нашей победой война закончилась). – *For one's (own) part* [NTC 2000: 123] (с чьей-либо стороны, в свою очередь).

Пошустова: *Moc rád bych věděl, o čem se tam dole ve stanech radí. Já bych si zrovna jako Smíšek přál, aby teď, s naším vítězstvím, bylo už po válce* [Pošustová 2007: 94] (Мне бы очень хотелось знать, о чем они там внизу советуются в своих шатрах. Я, как и Мерри, хотел бы, чтобы теперь, после нашей победы, война закончилась).

7. Переводческие окказионализмы

В данную группу мы посчитали возможным включить фразеологизмы, которые формально были переданы с помощью описания или калькирования, однако соответствия, подобранные переводчиками, смотрелись намного выигрышнее остальных переводов, а потому мы решили выделить их в отдельную группу – перевод с помощью окказионализма. Эти

оказационализмы оказались чрезвычайно интересным объектом для исследования, поскольку именно здесь переводчики продемонстрировали не только свои академические знания, но и весь свой творческий потенциал. Можно сказать, что в данном случае задача переводчиков заключалась в том, чтобы подделать чужой фразеологизм под свой, учитывая содержание переводимой единицы, а также создать выражение, похожее на образную единицу в языке перевода, используя различные приёмы, например, фразеологические средства языка перевода, экспрессивную лексику, метрику, эвфонические средства и так далее.

Мы причислили к переводческим оказационализмам 32 случая у В. Муравьева и А. Кистьяковского, 23 случая у Н. Григорьевой и В. Грушецкого и 23 случая у С. Пошустовой.

Например:

1) “*Now, now,*” growled Shagrat. “*I have my orders. And it’s **more than my belly’s worth**, or yours, to break’em. Any trespasser found by the guard is to be held at the tower. Prisoner is to be stripped* [Tolkien 2000b: 245] («Эй, эй! – рявкнул Шаграт. – У меня приказ! И его невыполнение **стоит дороже, чем мои потроха**, да и твои тоже. Любой нарушитель, обнаруженный стражей, должен содержаться в башне. Арестованного раздеть»).

Григорьева-Грушецкий: – *Грр! – прорычал Шаграт. – Но, но! У меня приказ! Если он будет нарушен, ни твоей, ни **моей шкуры не хватит расплатиться**. Всякого, кто будет пойман стражей, надлежит отправить в башню. Все с пленника снять, ничего не оставлять* [Григорьева 1991: 518].

В данном случае при переводе авторского фразеологизма Н. Григорьева и В. Грушецкий создали переводческий оказационализм, в основу которого, на наш взгляд, легли такие традиционные фразеологизмы, как: *спустить шкуру* и *испытать что-то на своей шкуре* [Тихонов 2007: 328].

2) *Any trouble will be reported at the other end, and He’ll know how to pay you. You’ll get bed and breakfast all right: **more than you can stomach*** [Tolkien 2000b: 29]. – *Not able to stomach* [NTC 2000: 278] (О любых помехах будет сообщено куда следует, а уж Он знает, чем вас пожаловать. Будет вам и ночлег, и завтрак – такой, что **не сможете переварить!**).

Муравьев-Кистьяковский: *Обо всем будет доложено, и с рук вам ничего не сойдет. И постелька вас ждет, и лакомый завтрак – **кости свои сгрызете*** [Муравьев 1999: 351]. В данном случае переводчики придумали своё выражение, используя приём аллитерации (повторяющаяся в каждом слове «с»), а также, возможно, опираясь на русский фразеологизм *перегрызть горло* [Молотков 1968: 117].

3) “*One day you’ll wish that you had not said that. Ape!*” he snarled fiercely. “*You ought to know that they’re **the apple of the Great Eye**. But the winged Nazgûl: not yet, not yet. He won’t let them show themselves across the Great River yet, not too soon* [Tolkien 2000b: 32]. – *The apple of someone’s eye* [NTC 2000: 11] («Однажды ты пожалеешь, что сказал это. Обезьяна! – прорычал он яростно. – Тебе надо бы знать, что Он их бережет **как зеницу Ока**. Но крылатые назгулы – не сейчас, не сейчас. Он еще не позволяет им показываться за Великой Рекой, не так скоро»).

Пошустова: *Jednou tě bude mrzet, žes něco takovýho vůbec vyslovil. Opičáku!* “*zavrčel vztekle. „Měl bys vědět, že **jsou to mazlíčkové Velkého oka**. Ale okřídlený nazgulové ne, to ještě ne. Ještě jim nedovolí ukázat se za Řekou, ještě ne.* [Pošustová 2006: 31] («Однажды ты пожалеешь,

что сказал такое. Обезьяна! – яростно произнёс он. – Тебе следовало бы знать, что это любимчики Великого Ока. Но крылатые назуды нет, пока нет. Им еще не позволено появляться за Рекой, еще нет»).

В данном случае в оригинале использовался традиционный английский фразеологизм, со значением «чей-то любимый человек или вещь» [НТС 2000: 11], чешская переводчица для создания переводческого окказионализма использовала традиционный чешский фразеологизм *támin mazlíček* [Mokienko, Wurm 2002: 285], со значением «маменькин сынок» [там же]. Мы считаем это удачным выбором, поскольку получился функционально адекватный оригиналу перевод, с сохранением фразеологической составляющей.

В целом, на наш взгляд, все переводчики, кто-то в большей степени, кто-то в меньшей, проявили себя с творческой стороны и создали интересные и функционально адекватные оригиналу авторские выражения.

В переводе фразеологизмов самыми объемными оказались группы эквивалентов и описаний. Больше всего эквивалентов применила именно чешская переводчица – 199 эквивалентных фразеологизмов, у Н. Григорьевой и В. Грушецкого – 128, а у В. Муравьева и А. Кистяковского 101 – эквивалент. Вторым превалирующим способом перевода оказалось описание – 255 случаев у В. Муравьева и А. Кистяковского, 218 случаев у Н. Григорьевой и В. Грушецкого и 160 у С. Пошустовой. Также было найдено довольно много аналогов – 69 у С. Пошустовой, 61 у В. Муравьева и А. Кистяковского и 51 у Н. Григорьевой и В. Грушецкого. Следом по популярности за аналогами шли кальки – 54 у С. Пошустовой, 29 у Н. Григорьевой и В. Грушецкого и 13 у В. Муравьева и А. Кистяковского. Самой малочисленной оказалась группа замен, больше всего их предложили В. Муравьев и А. Кистяковский – 20, затем С. Пошустова – 11 и Н. Григорьева и В. Грушецкий – всего 9 замен. Очень велико было количество пропусков фразеологизмов у русских переводчиков – 69 у Н. Григорьевой и В. Грушецкого и 45 у В. Муравьева и А. Кистяковского, в то время как у С. Пошустовой всего 11 случаев пропуска фразеологизма за всю трилогию, что еще раз подчеркивает ее более бережное отношение к оригиналу. Что касается переводческих окказионализмов, то к ним относятся 32 примера из перевода В. Муравьева и А. Кистяковского и по 23 случая у Н. Григорьевой и В. Грушецкого и у чешской переводчицы.

Итак, С. Пошустова подобрала больше всего эквивалентов и опустила меньше всего фразеологизмов, её перевод характеризуется четкостью и близостью к оригиналу. Перевод В. Муравьева и А. Кистяковского, с точки зрения передачи фразеологизмов, также можно назвать вполне удовлетворительным. Они чаще, чем другие переводчики, предпочитали описательный метод, однако именно в их переводе встретилось больше всего окказионализмов, а описания и кальки переводчики компенсировали внедрением русских фразеологизмов на протяжении всей трилогии (что имеет, однако, и отрицательную сторону, ведь у читателей этого перевода складывается несколько иное представление о языке «Властелина Колец», чем у читателей оригинала). Перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого, с точки зрения передачи фразеологизмов, мы считаем наименее удачным, поскольку именно в их переводе было большинство пропусков, а также переводческих ошибок и буквализмов.

(Продолжение следует)

Библиография

- Cambridge 2002: Michael McCarthy. Cambridge International Dictionary of Idioms. 5th ed. Cambridge, 2002.
- Mokienko, Wurm 2002: Mokienko V.M., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
- NTC 1993: Anne Bertram, Richard A. Spears. NTC's Dictionary of Proverbs and Cliches. Chicago, 1993.
- NTC 2000: Richard A. Spears. NTC's American Idioms Dictionary. Chicago, 2000.
- Oxford 2004: Judith Siefring. Oxford Dictionary of Idioms. 2th ed. Oxford, 2004.
- Pošustová 1990: J.R.R. Tolkien, Pán Prstenů, Společenstvo Prstenů, překlad: Stanislava Pošustová. Praha, 1990.
- Pošustová 2006: J.R.R. Tolkien, Pán Prstenů, Dvě Věže, překlad: Stanislava Pošustová. Praha, 2006.
- Pošustová 2007: J.R.R. Tolkien, Pán Prstenů, Návrat Krále, překlad: Stanislava Pošustová. Praha, 2007.
- Používaná anglická přísloví a české ekvivalenty/překlady 2012. URL: http://www.atingo.eu/download/prislovi_en.pdf (дата обращения: 23.05.2014).
- Prísloví o lásce, životě a kopa dalších 2012. URL: <http://prislovi.info/index.php?stranka=italska&od=60> (дата обращения: 20.04.2012).
- Tolkien 2000a: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, Fellowship of the Ring. New York, 2000.
- Tolkien 2000b: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, The Two Towers. New York, 2000.
- Tolkien 2000c: J.R.R. Tolkien, The Lord of the Rings, The Return of the King. New York, 2000.
- Влахов 1986: Влахов Н., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.
- Влчек 1974: Йозеф Влчек. Русско-чешский словарь. М., 1974.
- Григорьева 1991: Дж.Р.Р. Толкиен, Властелин колец, перевод Н. Григорьевой, В. Грушецкого. Л., 1991.
- Даль 1957: Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Жуков 1991: Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.
- Зимин 1996: Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М, 1996.
- Копецкий 1976: Чешско-русский словарь под редакцией Л.В. Копецкого, Й. Филиппа и О. Лешки. М., 1976.
- Кунин 1984: Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
- Кусковская 1987: Кусковская С.Ф. Сборник английских пословиц и поговорок. Минск, 1987.
- Митина 2002: Митина И.Е. Английские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2002.
- Модестов 2000: Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2000.
- Молотков 1968: Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. – 2-е изд. М., 1968.
- Муравьев 1999: Дж.Р.Р. Толкиен, Властелин колец, перевод В. Муравьева, А. Кистьяковского. М., 1999.
- Семенова 2001: Семёнова Н. Пять переводов *Властелина колец* Дж.Р.Р. Толкина // Альманах переводчика. Сост. Н.М. Демурова, Л.И. Володарская; отв. ред. М.П. Гаспаров. М., 2001. С. 159-198.
- Тихонов 2007: Тихонов А. Н. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 2007.
- Хананашвили 2003: Хананашвили А. «Не зная броду, не суйся в воду»: Мир толкиновских пословиц и поговорок в переводах «Властелина колец». // Журнал «Палантир». 2003. № 41. С. 3-19.
- Холина 2010: Холина Д.А. Особенности мифотворчества Дж.Р.Р. Толкиена (На материале авторских пословиц и поговорок). // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация №2. Воронеж, 2010. С. 70-74.

Как известно, хоббиты любят поесть. Да кто, в сущности, не любит? Герои Толкина – и люди, и гномы, и даже маги – завтракают, обедают или ужинают, почти никогда не теряя аппетита. Пируют в доме Тома Бомбадила, подъедают «остатки былой роскоши» на развалинах Айзенгарда, довольствуются скудным (но всё равно, заметим, неплохим) пайком в осаждённом Гондоре. Конечно, они едят для того, чтобы жить, а не живут для того, чтобы есть, но внимательному читателю важно всё – и где герои были, и что они ели...

Увы, правильно перевести какую-нибудь кулинарную тонкость порой ничуть не легче, чем вовремя отловить при переводе важную аллюзию. Однако, хотя углубляться в тонкости, казалось бы, и нет нужды – в конце концов, едят там блюда вкусные и сытные, но достаточно простые – без ошибок при переводе не обошлось. Особенно пострадала выпечка, всевозможные кексы-на-после-ужина и их сладкие и несладкие собратья.

Итак, остановимся на нескольких цитатах из «Хоббита» и разберёмся, чем Бильбо угощает своих будущих спутников. И будем при этом помнить, что хотя действие происходит в Шире, на самом деле мы должны обратиться к викторианской Англии и к викторианской же кухне. Ведь Толкин признавался в письмах: «...Как англичанин, выросший в «почти сельской» местности, в уорикширской деревушке на окраине процветающего буржуазного Бирмингема (примерно во времена Бриллиантового юбилея!), я свои «модели» заимствую, как любой другой, из той «жизни», которую знаю сам».

Что же предлагал своим гостям викторианец Бильбо? Вероятно, то, что будущему оксфордскому Профессору предлагали, когда он был маленьким... 1) *But I don't mind some cake – seed-cake, if you have any.* 2) *“And raspberry jam and apple-tart,” said Bifur. “And mince-pies and cheese,” said Bofur. “And pork-pie and salad,” said Bombur. “And more cakes – and ale – and coffee, if you don't mind,” called the other dwarves through the door.*

Начнём с *seed-cake*. О, многозначное и многострадальное слово *cake*! Это и торт, и

кекс, и пирог, и пирожное, и лепёшка (а ещё можно вспомнить, что в США *fish cake* – не какой-нибудь «рыбный пирожок», как можно было бы предположить, а «рыбная котлетка»).

Казалось бы, у переводчиков богатейший выбор – чем они и не преминули воспользоваться. Однако на самом деле этот выбор вовсе не настолько широк. Согласно Oxford English Dictionary, это более или менее сладкое изделие из теста, ароматизированное тмином. Да, само слово *seed* весьма многозначное, но в *seed-cake* добавляют именно тмин; правда, теперь британцы отбились от рук, и готовы туда добавлять даже мак или лимонную цедру – но это уже отступление от традиций.

А известен этот вид выпечки издавна – он упоминается и в чосеровских «Кентерберийских рассказах», и в ренессансных сборниках рецептов... *Seed-cake* упоминается и в романе Ш. Бронте «Джен Эйр» – в русском переводе это скучный «сладкий пирог». Иногда так называли не какую-то определённую выпечку, а просто ту, которую подавали на празднике в честь весеннего посева или, наоборот, осеннего сбора урожая (и тогда это мог быть любой, условно говоря, кекс – но именовали его *seed-cake*). И всё же точные рецепты есть, и они, хотя, как это бывает, варьируются от местности к местности, но в весьма определённых рамках. Условно говоря, изначально это был хлеб, и даже несладкий, в который добавляли немного тмина или аниса. Теперь же это, скорее, кекс, но в среднем не такой сдобный, как многие его другие британские кексовые собратья.

Далее следуют *mince-pies*. Это традиционные английские маленькие пирожки, обычно круглой формы, с особой начинкой *mincemeat*. Последнее слово происходит от *minced meat*, «мелко порубленное мясо». И если заглянуть в OED, именно это значение и будет указано первым. Однако у него есть второе, и именно оно имеется в виду, если речь заходит о *mince-pies* – это начинка из изюма, сахара, миндаля, цукатов и прочего в том же духе.

А дело было так. Давным-давно (и, как говорится в английских сказках, «когда свиньи пили вино, а гуси жевали табак, а куры его клевали и от этого жёстким стали») англичане охотно лакомились пирожками, в которых мясной фарш соединялся с мелко нарубленными сухофруктами и специями. Традиция, как считается, брала начало ещё со времён Крестовых походов. Постепенно это блюдо стало ассоциироваться с Рождеством, и празднично-рождественским оно остаётся и по сей день. Такие пирожки любила великая королева, так же, как и Виктория, давшая имя целой эпохе – Елизавета I. Шли столетия, и постепенно мясная составляющая начинки отошла в прошлое, осталась только фруктовая. Увы, эти изменения произошли как раз в викторианскую эпоху, и нам остаётся только гадать, был ли мясной фарш в пирожках Бильбо? Или уже нет? И переводчик, и читатель вправе сделать свой выбор.

An apple-tart, казалось бы, секретов не таит, и, тем не менее, отметим, что это не просто яблочный пирог, а открытый пирог, «тарт», в котором начинка не закрыта слоем теста. Мелочь? Ну, в общем, да, если вам всё равно, лишь бы яблоки были!

Начнём с самого первого, и для многих так и оставшегося самым любимым, **перевода**

Н. Рахмановой.

– *Но не откажусь и от кекса с изюмом, если он у вас найдется.*

Кекс – замечательно. Но почему с изюмом? В принципе, сейчас в *seed-cake* уже можно и изюму положить, но не это в нём главное.

– *Хорошо бы еще крыжовенного варенья и яблочного пирога, – вставил Бифур.*

– *И пирожков с мясом, и сыра, – дополнил Бофур.*

– *И пирога со свиной, и салата, – добавил Бомбур.*

– *И побольше кексов, и эля, и кофе, если не трудно! – закричали остальные гномы из столовой.*

Варенью тоже не повезло, малиновое превратилось в крыжовенное. А наши особенные пирожки превратились в пирожки с мясом – хотя не исключён вариант, при котором мяса там как раз и не было... Да к тому же странно то, что рядом «пирожки с мясом» и «пирог со свиной», почти дублируя друг друга.

Перевод ВАМ

– *Не откажусь и от кекса – с тмином, если найдется.*

А вот и правильный вариант.

– *Малиновое варенье и пирог с яблоками, – сказал Бифур.*

– *Рубленую запеканку с сыром, – сказал Бофур.*

– *Мясной пирог и салат, – сказал Бомбур.*

– *Еще печенье! Пива! Кофе! – кричали остальные гномы из-за двери.*

Раз в одной фразе наличествуют слова *mince* (которое можно перевести, скажем, как «фарш» или «мелко порубить»), *pie* («пирог», а *shepherd's pie* – картофельная запеканка с мясом) и *cheese* («сыр»), то, соединив все ингредиенты, можно, конечно, попытаться получить «рубленую запеканку с сыром»... Но всё-таки это слишком смелый кулинарный и переводческий эксперимент. Даже если автор и имел в виду изначальное и устаревшее значение *mince-pies*, «пирожки с мясным фаршем», сыр-то тут уж точно ни при чём. Да и гномы требуют, судя по всему, всё тех же кексов, которыми их угощали только что, а не какого-то нового «печенья».

Перевод М. Каменкович и С. Степанова

И не отказался бы от коврижки, тминной коврижки, если найдется.

Ну что ж, «коврижка» – далеко не худший вариант!

– *А еще малинового джема и яблочного пирога! – добавил Бифур.*

– *А еще печенье с миндалем и сыру! – добавил Бофур.*

– *А еще пирога со свиной и салату! – добавил Бомбур.*

– *А еще пирожков, пива и кофе! И побольше! – закричали гномы из столовой.*

Mince-pies превратились в печенье с миндалём, а кексы,

которых хотят гномы, в неопределённые пирожки.

Перевод З. Бобырь

– *Но я ничего не имею против пышек, – с маком, если у вас есть.*

И снова, видимо, широкая трактовка слова *seed*... Ну и раз уж мак, то, разумеется, пусть лучше будет пышка, а не печенье. Всё хорошо, но если Бильбо и пёк пышки с маком, то не на этот раз.

– *И смородинового варенья и сыра, – добавил Бофур.*

– *И пирога со свиной и салату, – добавил Бомбур.*

– *И еще пышек – и пива – и кофе, если можно, – закричали остальные Карлики из-за двери.*

Реплика Бифура выпущена вообще. Вернее, требования Бифура (принести малинового варенья и яблочного пирога) и Бофура (принести пирожков и сыра) слились в одно. Несчастные пирожки и яблочный пирог выпущены, спасибо, хоть сыр остался. А вот варенье превратилось в смородиновое.

Перевод Н. Прохоровой

– *Да к нему, пожалуйста, пару булочек, – и лучше с тмином, коли у вас найдутся.*

Кекс, конечно, не булочка, да и при словах «булочка с тмином», возникает скорее образ выпечки, посыпанной тмином сверху, но, в конце концов, почему бы и нет?

– *Хорошо бы еще малинового варенья и пирожков с яблоками, – сказал Бифур.*

– *А еще пирожков с изюмом и сыра, – добавил Бофур.*

– *А еще пирожков с мясом и салата, – дополнил Бомбур.*

– *И еще кексов, и эля, и кофе, если не трудно! – закричали остальные гномы, сидевшие за столом.*

При всём уважении к переводчику, в тексте – *apple-tart*, единственное число. Так что если уж пирог с яблоками, то один. Правда, если перевести это как «пирожок», то понятно, откуда берётся множественное число – одного пирожка маловато будет. А *mince-pies* стали «пирожками с изюмом» – допустимо, пусть и не совсем точно.

Перевод А. Грузберга

– *Но против печенья я не возражаю – печенье с тмином, если есть.*

Печенье, конечно, не кекс. Ну хоть тмин упомянут.

– *А ещё малинового варенья и яблочный торт, – сказал Бифур.*

– *А также сладкого пирога и сыра, – сказал Бофур.*

– *Мясного пирога с салатом, – сказал Бомбур.*

– *И ещё тортов и печенья... и эля... и кофе, если не возражаете, – одни за другим говорили гномы.*

Tart – всё-таки не совсем ложный друг переводчика, и иногда этим словом всё-таки называют домашние торты, но... Под *apple-tart* имеют в виду именно пирог, открытый пирог. Да и вообще, яблочный торт хотя и существует, но это блюдо совсем особое. И уж точно гномы

не требуют ещё тортиков! «Мясной пирог с салатом» – не самый удачный вариант, поскольку звучит это так, как будто из салата сделана начинка для пирога. А *mince-pies* превратились в сладкий пирог – как в своё время в него превратился в русском переводе «Джен Эйр» *seed-cake*.

Перевод К. Королёва и В. Тихомирова

– Впрочем, против пирогов я ничего не имею. Особенно если они с тмином.

Конечно, когда мы говорим о «булочках с кунжутом», то вовсе не имеем в виду, что кунжут служит им начинкой – и так ясно, что булочки посыпаны им сверху. Но, воля ваша, выражение «пироги с тмином» намекает на то, что тмином их начинили.

– А мне малиновый джем и яблочный пирог, – прибавил Бифур.

– А мне сладкий пирог с сыром, – заказал Бофур.

– А мне пирог со свиной и салат, – заявил Бомбур.

– А нам еще пирогов, эля и кофе! – закричали остальные гномы.

Сладкий пирог с сыром? «Ты ещё винограду сверху положи» (с). С второгом тогда уж.

И сыр там, заметим, сам по себе.

Перевод Л. Яхнина

Но не откажусь от коржика с тмином, если у вас таковой найдётся.

Неплохое, вполне подходящее слово «коржик». Неужели в этом переводе-пересказе встречается что-то хорошее?

– А мне вареньица. Малинового. И яблочный пирог, – вставил Бифур.

– А ещё сладких пирожков и сыра, – поспешил добавить Бофур.

– Пирог с поросятинкой и салат, – облизнулся Бомбур.

– И коржиков... и пивка... и кофе, – закричали остальные гномы.

Сладкие пирожки так сладкие пирожки. Нельзя требовать многого.

Перевод И. Тогоевой

И я бы не отказался от булочки с тмином, если они, конечно, имеются.

Снова булочки. Ну, пусть уж.

– А мне, если можно, ежевичный джем и яблочный пирог, – попросил Бифур.

– И сладкие пирожки, – подсказал Бофур. – И ещё сыру!

– А мне пирог со свиной и салат, – приказал Бомбур.

– И побольше булочек... и пива... и кофе, если можно! – закричали остальные гномы.

Ежевикой герои Толкина полакомиться ещё успеют – вернее, ежевичным пирогом, во «Властелине колец», в трактире «Гарцующий пони». А вот в данном случае речь идёт всё-таки о малине, а не о ежевике. Хотя они, конечно, похожи.

Перевод А. Щурова

– Но и от булочек с тмином я бы не отказался.

«В мире заказок тожи люби булочки», – как написал когда-то Карлсон. Следует признать, что «булочки» кажутся переводчикам в данном случае наиболее безопасным и нейтральным вариантом.

– А мне малинового варенья и кренделей с яблочной начинкой, – попросил Бифур.

– И творожного печенья с миндалем! – крикнул Бофур.

– Салата и пирога со свиной! – не удержался Бомбур.

– Еще кексов, кофе, эля, если не трудно! – прокричали из-за двери остальные карлики.

Ничего не имею против кренделей как таковых, но в данном случае переводчику вовсе не обязательно было их, кренделя, выписывать. Равно как и изящно объединять пирожки, миндаль (в *tinse-ries* не только миндаль!) и сыр, получая творожное печенье.

Перевод А. Андреева

– И еще я бы не отказался от печенья с тмином.

Нет, это не печенье.

– И малиновое варенье, и яблочный пирог, – сказал Бифур.

– И сладкие пирожки, и сыр, – сказал Бофур.

– И пирожки с мясом, и салат, – сказал Бомбур.

– И еще пирожных – и эля – и кофе, если можно! – закричали из гостиной остальные гномы.

И пирожных Бильбо в тот раз тоже не делал.

Перевод А. Конаныхина

– Немного тива было бы намного лучше, если это приличествует вам, мой дорогой сэр, – сказал Балин. – Но не откажусь от пирожка – из семечек, если у вас такой имеется.

Не могу удержаться и не процитировать известную пьесу Михаила Старицкого «За двумя зайцами»: «Дома пироги с маком да вареники с урдой трескают, а тут – пальцины!» Урда – это весьма популярная некогда начинка для классического блюда украинской кухни, сделанная из конопляного семени. В общем, вареники «с семечками», в широком смысле этого слова, бывают. Если очень хочется, можно «семечки» и в пирог положить. Но вот делать пирог «из семечек»...

– И клубничный джем и яблочный пирог, – сказал Бифур.

– И фаршированные пироги и сыр, – подхватил Бофур.

– И пирог со свиной и салат, – подытожил Бомбур.

– И побольше пирожков и эля и кофе, если никто не против, – выкрикнули другие гномы через дверь.

Ещё один вариант варенья. И крыжовенное, и черносмородиновое, и ежевичное уже было. Теперь вот клубничное.

А фаршированные пироги – новое слово в кулинарии, ничуть не хуже пирогов из семечек.

Переводчик неизвестен

– Ну и какое-нибудь печево, скажем, пшеничную

лепешку, если она у вас есть.

Вероятно, слово «пшеничный» выросло всё из того же несчастного *seed*.

– *А мне малинового варенья и яблочного торта, – заявил Бифур.*

– *А мне пирожков с мясом и сыру, – добавил Бофур.*

– *А мне свиного паштета и салату, – пробасил Бомбур.*

– *А нам, будьте добры, еще кофе, пирогов и пива!* – закричали из-за двери прочие гномы.

Снова яблочный торт... Подозреваю, что в данном случае переводчик просто-напросто поленился заглянуть в словарь. А чтобы не смущать себя и читателей сплошными мясными пирогами, превратил пирог со свининой в паштет. Впрочем, у слова «паштет» некогда было другое значение – пирог с начинкой из мясного фарша (помните «страсбургский пирог» у Пушкина?). Но вряд ли переводчик в данном случае углублялся в историю кулинарии, не считая того, что здесь вряд ли имеется в виду тот самый «пирог нетленый».

***

Итак, выпечка, которую Бильбо подаёт к столу, очень «британская», очень традиционная. Увы, при переводе часть колорита теряется, иногда этого можно избежать, а иногда, нет. Но, знаете... Что бы наш любимый хоббит ни пёк, – *mince-pies* или «булочки» – наверняка это очень вкусно!

ВЕСКОН – 2015

Вескон - известный и крупнейший конвент Толкинистики в Москве.

Мы приглашаем вас на ежегодный конвент, где вас ждут турнир и бал, концерты, художественная выставка и секции толкинистики, литературная секция и секция ролевых игр. И все это посвящено творчеству Профессора и Арде!

Мы обязательно вспомним прежние годы толкинистики, оглядываясь назад, и поговорим о путях ее развития!

Регистрация делается через единую систему Кольца Конвентов.

Если вы когда-нибудь заявлялись на Зиланкон, можете просто обновить заявку.

Сообщество в ЖЖ: <http://ves-con.livejournal.com/>

Сайт: www.vescon.org

Время проведения: 21-23 февраля 2015 г. (длинные выходные)

Место: ДК «Маяк» Москва, ул Газопровод, 9а. Метро «Ул. Академика Янгеля».

ВЕСКОН

ЗАЯВЛЯЙСЯ!
ПРИХОДИ!
УЧАСТВУЙ!

СЕКЦИЯ РОЛЕВЫХ ИГР ПО ТОЛКИНУ,
ТВОРЧЕСКИЕ МАСТЕРСКИЕ,
КОНЦЕРТЫ, ТУРНИРЫ, БАЛ,
СЕКЦИЯ ТОЛКИНИСТИКИ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕКЦИЯ
И, КОНЕЧНО,
ЯРМАРКА
ЖДУТ ТЕБЯ!

МОСКВА

21-23 ФЕВРАЛЯ 2015

ПОРТАЛ
В СРЕДИЗЕМЬЕ

2015

